РЕЛИГІОЗНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЕ РОМАНЫ

ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

„ЛУРДЪ", „РИМЪ" И „ПАРИЖЪ"

ПРЕДЪ СУДОМЪ ПРАВОСЛАВНАГО ЧИТАТЕЛЯ.

СВЯЩЕННИКА

Н. А. Колосова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ
1899.

ПРОВ. 1957

Пр.

РС
1840
Z01
I.Кол

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Октября 15 дня 1899 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

639
37

РЕЛИГІОЗНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЕ РОМАНЫ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

„ЛУРДЪ", „РИМЪ" И „ПАРИЖЪ"

ПРЕДЪ СУДОМЪ ПРАВОСЛАВНАГО ЧИТАТЕЛЯ [1]).

I.

Выборъ романовъ и въ особенности романовъ Золя темою для богословскаго чтенія способенъ, пожалуй, вызвать недоумѣніе. Какое отношеніе могутъ имѣть романы къ богословскимъ предметамъ, и мѣсто ли роману среди темъ для богословскихъ чтеній? Въ разрѣшеніе этого недоумѣнія нужно сказать, что прошло и, повидимому, едва ли не навсегда, время, когда литературныя произведенія, извѣстныя подъ именемъ романовъ, изображали лишь радости и злоключенія влюбленныхъ—въ наше время все болѣе и болѣе выдвигается на сцену романъ серьезный, романъ *идейный*, предшественникомъ и провозвѣстникомъ котораго нужно считать романъ историческій. Наше время, время популяризаціи идей и знаній, рѣшило воспользоваться для этой цѣли между прочимъ и романомъ. И вотъ, въ послѣднее время въ особенности, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе начали появляться романы соціологическіе, научные и даже *романы религіозные*. Нѣкоторые изъ этихъ

---

[1]) Публичное богословское чтеніе въ залѣ Синодальнаго училища 7-го апрѣля 1899 года.

романовъ надѣлали шума и имѣли большой успѣхъ, который вызвалъ подражанія. Въ этомъ измѣненномъ видѣ романъ пріобрѣтаетъ уже серьезное значеніе, съ которымъ приходится считаться. Идеи, заключающіяся въ такихъ романахъ, облеченныя въ художественную и доступную всѣмъ форму, получаютъ несравненно большее распространеніе сравнительно съ тѣми, которыя находятся въ ученыхъ трактатахъ и сочиненіяхъ, и пріобрѣтаютъ несравненно большее вліяніе на умы, такъ какъ романы читаются обыкновенно широкою полуобразованною публикою, которая часто не можетъ или даже не хочетъ критически отнестись къ читаемому. Тѣмъ болѣе заслуживаютъ въ этомъ отношеніи вниманія разбираемые нами религіозно-публицистическіе романы Золя. Правда, извѣстный нѣмецкій философъ и критикъ Максъ Нордау въ своей книгѣ «Вырожденіе» называетъ поэзію Золя зловонною, самого его психопатомъ и дегенератомъ и утверждаетъ, что успѣхъ его произведеній обезпеченъ только среди любителей порнографіи и скабрезности; правда, что послѣдніе два изъ разбираемыхъ нами романовъ блѣдны, скучны и неправдоподобны, загромождены описаніями, характеристиками и т. п. Но за всѣмъ тѣмъ — они все-таки произведенія писателя, весьма извѣстнаго вообще, а за послѣднее время получившаго извѣстность исключительную и всесвѣтную, хотя и не особенно завидную. Появляясь одинъ за другимъ, они создавали себѣ, между прочимъ и при помощи газетъ, громкую рекламу; появленіе ихъ ожидалось съ нетерпѣніемъ, а успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія [1]). Съ другой стороны, романы эти—

[1]) Что касается напр. „Парижа“, то еще до появленія его въ продажѣ на него поступили заказы въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Въ первые же три дня послѣ появленія своего въ свѣтъ, онъ разошелся въ ста тысячахъ экземпляровъ. Почти такой же успѣхъ имѣли и два первые романа. Они переведены уже на многіе языки, а у насъ въ Россіи они печатались едва не во всѣхъ газетахъ и журналахъ и притомъ одновременно съ печатаніемъ ихъ въ Парижѣ, а затѣмъ появились разомъ въ многихъ изданіяхъ.

собственно не романы (романическій элементъ въ нихъ очень слабъ), а религіозно-соціологическіе трактаты съ модным именемъ, широкими задачами и громкою рекламой. Притомъ же романы эти имѣютъ цѣлью не что иное, какъ доказать, что христіанство есть жалкая иллюзія, отживающая свой вѣкъ, и указать тѣ начала, которыя должны замѣнить его. Наконецъ, приходится слышать изъ среды читателей даже упреки въ томъ, что не появляется разборовъ этихъ романовъ съ православной точки зрѣнія.

Религіозный романъ появился и доселѣ культивируется главнымъ образомъ во Франціи. Это объясняется, очевидно, живостью воображенія и отчасти легкомысленнымъ отношеніемъ французскихъ писателей къ самымъ важнымъ и серьезнымъ предметамъ. Но никогда еще религія не затрогивалась въ романахъ такъ глубоко и такъ кощунственно, какъ въ трехъ послѣднихъ романахъ Эмиля Золя.

Бываютъ люди, у которыхъ желаніе стать знаменитыми обращается въ своего рода idée fixe, въ родъ помѣшательства. Такіе люди обыкновенно не щадятъ усилій и иногда не разбираютъ средствъ и путей, ведущихъ къ славѣ. Золя несомнѣнно принадлежитъ къ числу такихъ людей. Извѣстны его отчаянныя и упорныя попытки во что бы то ни стало стать «однимъ изъ безсмертныхъ», т. е. членомъ французской Академіи наукъ. Такъ какъ это ему всетаки не удается, то онъ прославился (дѣйствительно прославился—только путемъ, ничего общаго съ литературою не имѣющимъ), пристегнувъ свое имя и репутацію къ столь громкому и скандальному дѣлу, какъ дѣло Дрейфуса—дѣлу весьма сомнительной чистоты. Но еще раньше этого онъ рѣшилъ создать себѣ знаменитость насчетъ религіи. И вотъ онъ задумываетъ и печатаетъ одинъ за другимъ три религіозно-публицистическихъ романа, имѣющихъ (какъ и въ «Ругонахъ-Маккаръ») непосредственную связь, общую цѣль и одно главное дѣй-

ствующее лицо (парижскаго аббата Пьера Фромана). Въ этихъ романахъ Золя развиваетъ (но не доказываетъ) слѣдующія мысли:

Религія вообще и христіанская въ частности есть иллюзія, обманъ, который жалкое и страждущее человѣчество придумало для того, чтобы хоть чѣмъ нибудь утѣшиться и облегчить свои страданія. Поэтому и состоитъ религія обыкновенно въ томъ, что люди просятъ у Бога различныхъ неестественныхъ чудесъ и исцѣленій и даже придумываютъ чудеса и видѣнія, и бываетъ иногда такъ, что нѣкоторыя болѣзни, имѣющія нервное происхожденіе, подъ вліяніемъ сильнѣйшаго религіозно-экстатическаго возбужденія дѣйствительно исцѣляются, или нѣкоторые истеричные люди подвергаются религіознымъ галлюцинаціямъ, которыя совершенно искренно принимаютъ за видѣнія. Тѣмъ не менѣе, очевидно, царству религіи наступаетъ конецъ. Не можетъ спасти ее и католическій Римъ, столь могущественно царившій надъ умами и совѣстями людей въ средніе вѣка и теперь еще поражающій стройностью своей организаціи и искусствомъ пропаганды; онъ и не способенъ къ какому-либо обновленію, какъ иногда думаютъ нѣкоторые мечтатели, такъ какъ онъ внутри уже разлагается и, несмотря на свою видимую стройность и мощь, обреченъ на смерть. Религія отжила свой вѣкъ и будущее принадлежитъ труду, физическому и умственному, наукѣ и справедлисти [1]), которые водворятъ на землѣ счастье и вернутъ золотой вѣкъ. Вотъ новая, будущая ‹религія› человѣчества И счастье это должно выдти не изъ Лурда и не изъ Рима, а изъ

---

[1]) Въ романѣ „Римъ“, Золя мечтаетъ еще о соединеніи народовъ, которые современемъ сольются въ единое безсмертное человѣчество, оставившее братоубійственную ненависть—„безъ границъ, безъ возможности войнъ, человѣчество, живущее праведнымъ трудомъ, при общеніи всѣхъ имуществъ—истинная цѣль эволюціи,—цѣль міроваго труда, развязка исторіи“.

Парижа — центра вселенной и мозга человѣчества—этого «котла, въ которомъ варится будущее человѣчества». Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ Золя. Замѣтимъ кстати, что всѣ эти разсужденія онъ влагаетъ въ уста своего главнаго героя Пьера Фромана.

«Все человѣчество рыдаетъ, изможденное горемъ, точно отчаянно больной, приговоренный къ смерти... Эта жажда божественности, не утоленная вѣками, казалось, возродилась съ новою силою въ концѣ нашего вѣка науки.. Человѣкъ, извѣдавшій всѣ несчастія жизни, обращается къ божественной иллюзіи, и въ этомъ лежитъ основа всѣхъ религій: слабый и беззащитный человѣкъ не имѣетъ силы пережить всѣ земныя невзгоды безъ вѣчнаго представленія о раѣ. Теперь опытъ сдѣланъ; повидимому, нѣтъ удовлетворенія ни въ чемъ, кромѣ науки, и поневолѣ придется оставить отворенною дверь тайны... Утѣшенія, надежды, данныя міру католицизмомъ, истощились послѣ восемнадцати столѣтій, въ продолженіе которыхъ было пролито столько слезъ, столько крови, столько испытано напрасныхъ и жестокихъ треволненій. Одной иллюзіей стало (!) меньше, приходилось замѣнять ее другой. Если нѣкогда набросились на идею христіанскаго рая, то это произошло оттого, что онъ сулилъ новыя надежды. Новой религіи, новыхъ надеждъ, новаго рая, да! вотъ чего жаждетъ міръ въ тискахъ, въ которыхъ находится теперь... Нужно новую религію! такую, которая была бы ближе къ жизни, которая примирялась бы съ земнымъ существованіемъ и шла бы рука объ руку съ новыми научными истинами. Но главнымъ образомъ религію, для которой смерть не была бы желанной цѣлью»...[1])

Эта новая религія должна выдти изъ Парижа. «Парижъ, разсуждаетъ Пьеръ — это громадный котелъ, въ которомъ варится все человѣчество—и лучшая и худшая часть его: ужасное варево колдуньи, состоящее изъ дра-

[1]) „Лурдъ“, переводъ Шульгиной (Спб., 1894), стр. 450—453.

гоцѣннаго порошка и отбросовъ,—изъ котораго долженъ получиться элексиръ любви и вѣчной молодости... И все это кипѣло въ колоссальномъ котлѣ Парижа—всѣ эти желанія, насилія, разнузданныя страсти, невообразимая смѣсь всякихъ ѣдкихъ ферментовъ, изъ которой должно было вылиться широкимъ потокомъ чистое вино будущаго». И Пьеръ созналъ «всю плодотворность работы, происходившей на днѣ котла, подъ всѣми этими нечистотами».

«Пусть же, продолжаетъ мечтать Золя, устами Пьера, предоставятъ вѣка и новой религіи науки (какъ нѣкогда христіанству), глухой ростъ которой предвѣщается всюду,—и тогда увидятъ, какъ сложатся въ новое евангеліе прекрасныя идеи Фурье; какъ воля станетъ рычагомъ, движущимъ міръ, какъ трудъ будетъ принятъ всѣми, уважаемъ, урегулированъ и признанъ существеннымъ механизмомъ естественной и соціальной жизни; и какъ страсти поощряемыя, удовлетворяемыя и утилизируемыя, послужатъ, наконецъ, для счастья всего человѣчества. Всемірный вопль о справедливости, вопль все больше и больше раздающійся со стороны великаго нѣмого народа, такъ долго одурачиваемаго и мучимаго, есть только крикъ о томъ счастьѣ, къ которому стремятся всѣ существа,—полное удовлетвореніе потребностей и осуществленіе мірской жизни, при развитіи всѣхъ силъ и пользованіи всѣми радостями. Придетъ время, когда это царство Божіе настанетъ и на землѣ, даже если при этомъ нищіе духомъ временно и будутъ страдать отъ гибели ихъ иллюзій, потому что необходима жестокая операція, чтобъ освободить слѣпыхъ отъ ихъ бѣдствій и избавить ихъ отъ продолжительной и страшной тьмы невѣжества».

«Прежде всего Пьеру открылся законъ труда. Сама жизнь есть только трудъ, и міръ существуетъ только цѣною усилій... Надъ всѣми страстями, честолюбіями, пороками и недостатками ему рисовался колоссальный трудъ, геройское усиліе рукъ на верфяхъ и на заводахъ, дивная

сосредоточенность интеллигентной молодежи, которая, какъ онъ зналъ, занята дѣломъ, изучаетъ въ тишинѣ науки, не пренебрегая ни одною побѣдой прежнихъ поколѣній и сгорая желаніемъ расширить область ихъ завоеваній. И благодаря восторженному Парижу, все это будущее перерабатывалось во всемъ его величіи, чтобы засіять лучезарною зарей. Если у древняго міра былъ Римъ, теперь умирающій, то *надъ современнымъ міромъ всевластно царитъ Парижъ, этотъ центръ всѣхъ народовъ*, переходящихъ въ вѣчномъ движеніи отъ одной цивилизаціи къ другой, совершая свой путь по солнцу, съ востока на западъ. Парижъ былъ мозгомъ; все великое прошлое подготовило его быть иниціаторомъ, руководителемъ и освободителемъ всѣхъ остальныхъ городовъ. Вчера онъ возвѣщалъ народамъ идею свободы, завтра онъ дастъ имъ религію науки, справедливости, ожидаемую демократіей. Парижъ былъ воплощеніемъ доброты, веселія и кротости, жажды знать все и великодушія, готоваго все отдать. Въ немъ, въ рабочихъ его предмѣстіяхъ, въ крестьянахъ его селъ заключался неистощимый источникъ, изъ котораго будущее могло черпать безъ конца. Парижемъ кончалось настоящее столѣтіе, а слѣдующее начиналось и развертывалось имъ же; и весь шумъ его чудовищной работы, весь его свѣтъ маяка, господствующаго надъ землей,— все, исходившее изъ нѣдръ его въ буряхъ, громахъ и побѣдоносныхъ молніяхъ, блистало только окончательнымъ свѣтомъ, изъ котораго должно было создаться счастье человѣчества».

Чтобы усилить впечатлѣніе, Золя многократно описываетъ даже свѣтовые эффекты, производимые парижскимъ солнцемъ. Напр.:

«Солнце уже закатывалось за узенькими грядами пурпурно-красныхъ тучъ, и косвенные его лучи осыпали столицу словно сіяющимъ дождемъ свѣта. Казалось, будто одѣтый въ солнечные лучи дивный Сѣятель щедро разбрасывалъ ярко сверкавшія искры свѣта цѣлыми горстями

по всему горизонту». При этомъ въ особенности освѣщаются кварталы трудового и учащагося Парижа. «Очевидно, мечтаетъ Пьеръ, что тамъ и должна взойти ожидаемая обильная жатва». Эти свѣтовые солнечные эффекты Золя описываетъ такъ часто и такъ наивно, что подъ конецъ вызываетъ этимъ раздраженіе у читателя.

Золя любитъ объявлять во всеобщее свѣдѣніе о своихъ намѣреніяхъ и работахъ и о цѣли своихъ произведеній. И вотъ въ письмѣ къ одному нѣмецкому критику онъ пишетъ: «Вамъ уже извѣстна моя исходная точка: она состоитъ въ изученіи современнаго положенія религіозной вѣры. Теперь существуетъ реакція противъ науки, не исполнившей своихъ обѣщаній, и люди склонны возвратиться къ вѣрѣ среднихъ вѣковъ, къ той вѣрѣ, которая, не размышляя, преклоняетъ колѣна и молится». Противъ этого-то возвращенія къ вѣрѣ, по словамъ Золя, и написана имъ разбираемая нами его трилогія. «Ахъ! несчастные люди, пишетъ онъ въ концѣ своего «Лурда», бѣдное, больное человѣчество, жаждущее иллюзіи, которое въ утомленіи кончающагося вѣка растерялось и изнемогаетъ оттого, что слишкомъ жадно набросилось на науку и мнитъ себя покинутымъ цѣлителями тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ; оно боится, что не выздоровѣетъ, возвращается назадъ и взываетъ о спасеніи къ разнымъ мистическимъ «Лурдамъ». И вотъ Золя желаетъ воротить заблудившееся человѣчество на истинный путь, напомнивъ ему, что спасеніе не въ религіи, отжившей свой вѣкъ, а въ наукѣ и цивилизаціи, трудѣ и справедливости. Вотъ основы новой «религіи» [1]), предлагаемой г. Золя на смѣну прежней; вотъ

[1]) Мы употребляемъ здѣсь слово „религія“ слѣдуя терминологіи самого Золя,—лишь для обозначенія тѣхъ жизненныхъ основъ, которыя у Золя должны замѣнить собою религію. Само собою разумѣется, что не можетъ быть и рѣчи о религіи тамъ, гдѣ отвергается всякая религія. Странно однако, что люди, подобные Золя (онъ представляетъ собою въ данномъ случаѣ не единственный примѣръ), отвергая христіанство, продолжаютъ пользоваться его понятіями для означенія вещей, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго.

основы будущаго золотого вѣка, факторы всемірнаго счастья, счастья всего человѣчества. Посмотримъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ.

II.

Нельзя не сказать прежде всего, что и какъ выводы изъ романовъ и сами по себѣ эти положенія кажутся весьма странными. Да развѣ наука, трудъ и справедливость явились въ свѣтъ только со вчерашняго дня или открыты только г. Золя? Вѣдь идеи эти почти такъ же стары, какъ міръ. Почему же онѣ не могли спасти міра и не спасли его доселѣ? и почему же только теперь именно дано имъ обновить и спасти міръ? Откуда пришло къ нимъ нынѣ это всемогущество? Какой чудодѣйственный процессъ совершится надъ ними? Есть ли для этого достаточныя данныя въ прошедшемъ и настоящемъ человѣчества?

И прежде всего о наукѣ. Когда въ подобныхъ случаяхъ говорятъ о наукѣ, то разумѣютъ главнымъ образомъ науки естественныя, съ ихъ открытіями и изобрѣтеніями. Но никѣмъ еще и никогда не было доказано неопровержимо, чтобы наука вообще и науки естественныя въ частности были враждебны религіи или чтобы религія была враждебна наукѣ. Вотъ какъ разсуждалъ объ отношеніи естественныхъ наукъ къ религіи одинъ изъ первыхъ нашихъ естествоиспытателей—Ломоносовъ: «Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя; никогда между собою въ распрю прійти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ. А благоразумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли какого способа къ объясненію и отвращенію мнимаго между ними междоусобія... При всемъ семъ христіанская вѣра стоитъ непреложна. Она Божіему творенію не можетъ быть противна, ниже ей Божіе твореніе; развѣ тѣмъ чинится противность, коп въ творенія Божія не вникаютъ. Создатель

далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ Свое величество, въ другой Свою волю. Первая—видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ Божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга—Священное Писаніе. Въ ней показано Создателево благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодохновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители Божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрить циркулемъ. Таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по Псалтири научиться можно астрономіи или химіи. Толкователи и проповѣдники Священнаго Писанія показываютъ путь къ добродѣтели, представляютъ награжденіе праведнымъ, наказаніе законопреступнымъ и благополучіе житія, съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изыскиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ и благодареніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ними плевелы и раздоры... Натура есть нѣкоторое Евангеліе, благовѣствующее неумолчно творческую силу, премудрость и величество». Отнюдь не вдаваясь въ подробности, которыя завели бы насъ слишкомъ далеко, напомнимъ только тѣ общіе факты, что вѣра и знаніе, религія и наука не только не могутъ противорѣчить другъ другу, но и по самому существу своему *неотдѣлимы* другъ отъ друга, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи *о замѣнѣ* религіи наукой. Религія, побуждая мысль человѣка къ созерцанію безконечнаго, тѣмъ самымъ не дозволяетъ

уму его оставаться неподвижнымъ: невозможно предположить, чтобы вѣрующій человѣкъ *не мыслилъ* о предметѣ своей вѣры и не зналъ, чему онъ вѣруетъ и о чемъ мыслитъ. Чѣмъ выше стоитъ религія, тѣмъ больше она воспитываетъ любовь къ знанію; она есть *мать* науки и ближайшимъ образомъ богословской науки. Религія необходимо порождаетъ цѣлую область религіозныхъ или богословскихъ наукъ, имѣющихъ частію философскій частію историческій характеръ, и посредствомъ этихъ наукъ переходитъ изъ жизни въ школу и вступаетъ въ тѣсную связь съ наукою вообще Стремленіе къ знанію освящено самимъ Священнымъ Писаніемъ, и извѣстный фактъ—что многіе святые отцы и свѣтила Церкви были въ то же время ученѣйшими людьми своего времени (даже въ области и естественныхъ наукъ, какъ, напр., св. Василій Великій съ своимъ «Шестодневомъ»). Извѣстный также фактъ, что первые піонеры науки были вмѣстѣ съ тѣмъ и служителями религіи; возьмемъ, напр., хоть заслуги миссіонеровъ въ наукахъ этнографіи, лингвистики (сравнительнаго языкознанія), исторіи религій и проч. (изъ нашихъ русскихъ миссіонеровъ укажемъ, напр., на митрополита Иннокентія и Іакинѳа Бичурина), или заслуги монашества—западнаго и нашего православнаго въ дѣлѣ сохраненія и распространенія памятниковъ науки и литературы, или хоть тотъ фактъ, что представители духовенства, и у насъ [1]) и на Западѣ были и первыми учеными и первыми учителями и проч. и проч. Такихъ фактовъ можно насчитать очень много. Развѣ это говоритъ о враждебности религіи наукѣ? Съ другой стороны, извѣстный также фактъ, что весьма многіе знаменитые ученые и именно въ области положительныхъ и естественныхъ наукъ, творцы новыхъ астрономическихъ, естественно-научныхъ и др. си-

---

[1]) Еще Павелъ Алеппскій, въ половинѣ 17 го вѣка, писалъ, что „по всей землѣ русскихъ, священники обучаютъ евротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами“.

стемъ—были религіознѣйшими, глубоко вѣрующими людьми—укажемъ, для примѣра, на Коперника, Ньютона, Кеплера, Бэкона, Паскаля. И, наоборотъ, наиболѣе неистовыми поносителями религіи во имя будто бы естествознанія часто бывали люди, на самомъ дѣлѣ весьма мало причастные наукѣ (вспомнимъ, напр., хоть нашего Писарева), или не по разуму усердные и фанатически рьяные, но не глубокіе послѣдователи разныхъ не всегда научныхъ системъ. Самыя столкновенія и конфликты между западнымъ богословіемъ и откровеніемъ, антагонизмъ между вѣрою и наукою—въ весьма значительной степени были обязаны не противорѣчію религіи и науки по существу, а лишь узости міросозерцанія, нетерпимости и фанатизму нѣкоторыхъ католическихъ и протестантскихъ богослововъ съ одной стороны и такимъ же качествамъ самихъ представителей науки съ другой, взаимнымъ недоразумѣніямъ и увлеченіямъ представителей обѣихъ сторонъ. Почти неоспоримо, что подобныя столкновенія не имѣли бы мѣста, если бы западная церковь находилась въ общеніи съ православною Церковью и осталась вѣрною широтѣ ея воззрѣній между вѣрою и наукою, проистекающею изъ убѣжденія въ непоколебимости вѣчной истины христіанства.

Совсѣмъ иначе обстоитъ однако дѣло у нашего автора. Главный герой его романовъ Пьеръ Фроманъ является предъ читателемъ уже зараженный невѣріемъ, съ предвзятымъ, враждебнымъ отношеніемъ къ вѣрѣ и религіи. Это, можно сказать, невѣрующій по природѣ. Иначе такой типъ психологически невозможенъ. Въ самомъ дѣлѣ, сынъ благочестивой католички и невѣрующаго химика, Пьеръ, послѣ смерти отца, по желанію матери, поступаетъ въ духовную семинарію и даже дѣлается священникомъ. Но когда, по смерти матери, онъ входитъ въ запертый дотолѣ кабинетъ отца, то почти при одномъ только взглядѣ на его книги и бумаги навсегда и окончательно теряетъ вѣру. И не потому даже, чтобы онъ нашелъ здѣсь книги антирелигіознаго содержанія — бумаги отца были

только просто научнаго характера—а просто только потому, что, по мнѣнію Золя, вѣра таетъ и исчезаетъ при одномъ только имени науки. Вотъ какими серьезными аргументами доказываетъ Золя несостоятельность религіи! Пьеръ дѣлается невѣрующимъ не потому, конечно, что знакомится съ книгами отца, а потому, что онъ унаслѣдовалъ невѣріе отъ своего отца, и оно ждало только, такъ сказать, случая, чтобы обнаружиться вполнѣ. Такіе люди уже духовно мертвы: ядъ невѣрія убиваетъ ихъ; ихъ не убѣдятъ уже никакія, даже самыя очевидныя доказательства христіанской вѣры, ихъ не убѣдитъ даже никакое чудо. Такіе люди хорошо извѣстны намъ еще изъ Евангелія.

Если вѣра рождаетъ знаніе и науку, то съ другой стороны несомнѣнно, что всякая наука требуетъ вѣры отнюдь не въ меньшей степени, нежели религія. Вся наука въ сущности основывается на вѣрѣ. Это до такой степени ясно и очевидно, что едва ли даже нуждается въ доказательствахъ. Въ самомъ дѣлѣ, велика ли область точныхъ, неоспоримо доказанныхъ научныхъ фактовъ, фактовъ, относительно которыхъ всѣ ученые были бы согласны между собою? А между тѣмъ часто на основаніи только нѣсколькихъ болѣе или менѣе установленныхъ фактовъ строится научная теорія или, въ лучшемъ случаѣ, гипотеза, которая на три четвертыхъ, если не больше, основывается на *вѣрѣ*. И очень часто случалось и случается, что факты, на основаніи которыхъ создавались эти теоріи, оказывались недостаточно изученными или невѣрно понятыми и самыя теоріи эти такимъ образомъ невѣрными и ненаучными—это уже послѣ того, какъ онѣ долгое время считались непоколебимыми и царили въ наукѣ [1]). Какъ ни

---

[1]) Наглядные примѣры того, какъ изъ немногихъ сравнительно фактовъ строились научныя теоріи и какъ потомъ, по мѣрѣ изученія новыхъ фактовъ, эти теоріи измѣнялись или даже оказывались совсѣмъ невѣрными и оставлялись, какъ невѣрныя—приведены во множествѣ, напр., въ статьѣ Карпентера „Современная наука“.

велики и поразительны научные успѣхи и открытія—«что они такое въ сравненіи съ тою безконечностью неизвѣстнаго, которое насъ окружаетъ и которое, вѣроятно, навсегда останется недоступнымъ для нашего знанія?» Чѣмъ болѣе открытій дѣлаетъ наука, тѣмъ шире развертываются предъ нею горизонты необъятнаго, тѣмъ безпредѣльнѣе открывается даль. «Что узнаемъ мы въ концѣ концовъ о человѣкѣ и о мірѣ? Развѣ мы знаемъ, что такое человѣческая душа? что такое сознаніе, какъ оно зарождается и какая судьба ожидаетъ его за нашей могилой? Развѣ для насъ понятна связь души съ тѣломъ и взаимодѣйствіемъ нашихъ психическихъ процессовъ съ внѣшнею дѣйствительностью? Разъяснила ли намъ наука, что такое жизнь, откуда она возникаетъ и какъ она исчезаетъ? Знаемъ ли мы что нибудь о сущности тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается физическій міръ—о сущности матеріи и силы? Знаемъ ли мы, что такое движеніе, къ которому естественная наука сводитъ всѣ процессы матеріи и силы—откуда оно произошло и что его поддерживаетъ? Что такое законы природы, если не разсматривать ихъ только какъ простыя эмпирическія формулы явленій? Откуда вѣчный порядокъ вселенной и та постоянная цѣлесообразность въ природѣ, которой можетъ не видѣть только слѣпой и т. д. и т. д.» [1])? Всѣ эти и подобные вопросы настолько неразрѣшимы для науки, что получили даже названіе «проклятыхъ вопросовъ».

Ночью надъ берегомъ бурнаго моря
Юноша грустный стоитъ.
Полонъ сомнѣній, съ тоскою на сердцѣ,
Такъ онъ волнамъ говоритъ:
О, разрѣшите мнѣ жизни загадку—
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ—

---

[1]) Соколовъ. „Банкротство натуралистическаго міросозерцанія и современный нравственно религіозный кризисъ на Западѣ“ (Харьковъ, 1897), стр. 2 и 3.

Сколько головъ безпокойныхъ томилъ онъ,
Сколько имъ муки принесъ!
Головы въ іероглифныхъ тіарахъ,
Въ черныхъ беретахъ, въ чалмахъ,
Въ пудрѣ и головы всякаго рода
Бились надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ.
Кто же рѣшитъ мнѣ, что тайна отъ вѣка—
Въ чемъ состоитъ существо человѣка,
Какъ онъ приходитъ, куда онъ идетъ,
Кто тамъ вверху, надъ звѣздами живетъ?
Катятся волны съ шумомъ обычнымъ,
Вѣтеръ несется и тучи несетъ,
Звѣзды мерцаютъ съ безстрастьемъ холоднымъ—
Бѣдный безумецъ отвѣта все ждетъ.

Такъ поэтически формулировалъ Гейне эти вопросы. Извѣстный французскій критикъ Фердинандъ Брюнетьеръ, въ своемъ сочиненіи «la Science et la Religion», доказывая, что науки естественныя, этнографическія, филологическія, историческія, критико-экзегетическія не только не могли устранить чудесное, не только не могли разъяснить «тайны», но весьма часто не могутъ разрѣшить даже отдѣльныхъ, частныхъ вопросовъ въ своей области, и объяснить даже самыхъ простыхъ, повидимому, явленій и фактовъ, прямо заявляетъ, что «наука безсильна не то что разрѣшить, но даже надлежащимъ образомъ поставить тѣ вопросы, которые для насъ единственно важны—вопросы, касающіеся происхожденія человѣка, закона его поведенія и его будущей судьбы. Непознаваемое окружаетъ насъ всюду: оно охватываетъ насъ со всѣхъ сторонъ, и мы не можемъ извлечь изъ законовъ физики или результатовъ физіологіи никакого средства, чтобы распознать въ немъ что-нибудь. «Великій океанъ истины» попрежнему лежитъ предъ нами неизвѣданнымъ. Даже въ такихъ вопросахъ, какъ вопросы о происхожденіи языка, о происхожденіи общества и о происхожденіи нравственности, сущность и

причины явленій останутся для насъ навсегда недоступны. Великія научныя теоріи нашего времени всѣ находятся въ одинаковомъ положеніи. Полное противорѣчій состояніе современной атомистической теоріи въ физикѣ; безнадежная недостаточность дарвиновой теоріи выживанія наиболѣе приспособленныхъ особей; паденіе одной изъ основныхъ теорій астрономіи—теоріи постоянства орбитъ луны и планетъ; перевороты, претерпѣваемые именно теперь геологіей; вопіющія и непреодолимыя трудности, связанныя съ теоріей волнообразнаго движенія свѣта; окончательное паденіе основной теоріи политической экономіи—теоріи цѣнности—все это, кажется, не очень то приближаетъ насъ къ предѣлу строгаго и точнаго знанія, которое намъ обѣщаютъ! Несокрушимая теорія или теорія, близкая къ предѣлу несокрушимости, въ сущности есть такая же нелѣпость, какъ и несокрушимая броня».

Съ горы скатившись, камень легъ въ долинѣ.
Какъ онъ упалъ, никто не знаетъ нынѣ.
Сорвался-ль онъ съ вершины самъ собой,
Или низвергнутъ мыслящей рукой?
Столѣтье за столѣтьемъ пронеслося:
Никто еще не разрѣшилъ вопроса.

Ни одинъ предметъ въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ нашему представленію о немъ—эта аксіома, какъ извѣстно, положена въ основу всей современной науки. Изъ внѣшнихъ явленій мы постигаемъ только то, что доступно намъ; цѣликомъ, такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, мы постичь ихъ не можемъ, а потому не можемъ постичь и истины, которая есть не что иное, какъ соотвѣтствіе между идеею и ея внѣшнимъ проявленіемъ. А между тѣмъ развѣ мы сомнѣваемся въ наукѣ, въ реальности внѣшняго міра, и прогрессѣ знанія и незыблемости законовъ природы? Нѣтъ, не сомнѣваемся. На чемъ же основывается наша увѣренность? Единственно на вѣрѣ. «Достовѣрность и истина во всякой наукѣ, сказалъ Декартъ, зависятъ единственно отъ познанія истиннаго Бога».

Вотъ что говорилъ передъ своею смертью великій Ньютонъ: «Я не знаю, чѣмъ кажусь я міру; но себѣ самому я кажусь маленькимъ мальчикомъ, который играетъ на берегу моря и забавляется тѣмъ, что онъ тамъ и сямъ находитъ гладкій камешекъ или красивую раковинку, между тѣмъ какъ великій океанъ истины лежитъ передъ нимъ неизвѣданнымъ». Болѣе полутораста лѣтъ прошло послѣ смерти Ньютона, но и теперь всякій истинный ученый можетъ повторить его слова. Вотъ что сказалъ недавно знаменитый англійскій физикъ лордъ Кельвинъ (Вильямъ Томсонъ) предъ учеными всегда міра, собравшимися чествовать его пятидесятилѣтній профессорскій юбилей: «Одно слово можетъ охарактеризовать самыя упорныя мои усилія въ теченіе 55 лѣтъ для движенія впередъ знанія: это слово—несостоятельность. Я не знаю ничего объ электрической и магнитной силѣ, объ отношеніи между эѳиромъ, электричествомъ и вѣсовымъ веществомъ, о химическомъ сродствѣ—ничего болѣе того, что я зналъ и чему училъ моихъ студентовъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ» [1]).

---

[1]) Въ недавнее время появилась въ русскомъ переводѣ съ предисловіемъ графа Л. Толстаго (*Спб. Вѣстн.* 1898 г. мартъ и сочиненія Л. Толстаго часть 15), статья извѣстнаго англійскаго ученаго Эдуарда Карпентера: „Современная наука“. Въ этой статьѣ еще болѣе рѣзко, нежели у Брюнетьера, доказывается несостоятельность опытной науки. Разборомъ метода естественно научныхъ изслѣдованій и конечныхъ выводовъ естественныхъ наукъ Карпентеръ доказываетъ, что „именно теперь, послѣ блестящаго пятидесятилѣтняго разцвѣта науки, несмотря на поклоненія, ею вызываемыя, наука почти во всѣхъ своихъ отрасляхъ заблудилась въ безвыходномъ лабиринтѣ“... „что за послѣднее время положительныя пріобрѣтенія науки въ смыслѣ нашего пониманія устройства міра приводятъ къ разочарованію, и что даже методы науки не непогрѣшимы и должны приводить къ неудачѣ“. „Методъ науки“, говоритъ онъ, „есть методъ умышленнаго ограниченія или вынужденнаго невѣдѣнія Научные взгляды подобны видамъ съ вершины горы: каждый такой видъ возможенъ только тогда, когда наблюдатель ограничивается одною опредѣленною точкой наблюденія: вмѣстѣ съ измѣненіемъ положенія наблюдателя измѣняется и видъ“. „Можетъ быть“, заключаетъ

Брюнетьеръ идетъ еще далѣе. Онъ говоритъ даже о *банкротствѣ* современной науки. Выраженіе это однако неудачно. Истинная и искренняя наука, серьезная въ своихъ методахъ и скромная въ своихъ выводахъ, которая, изслѣдуя міръ явленій, не пытается рѣшать конечныхъ вопросовъ и не вторгается въ область нравственныхъ интересовъ человѣчества, обанкротиться не можетъ. Она можетъ ошибаться, но ошибки эти, ею же самою впослѣдствіи исправляемыя, могутъ имѣть лишь частное значеніе. Банкротятся только незаконныя научныя притязанія, крайній научный скептицизмъ, возникшее на почвѣ научныхъ открытій *натуралистическое міросозерцаніе*.

Припомнимъ, что со времени расцвѣта науки въ настоящемъ столѣтіи умами овладѣло какое-то упоеніе. Наука совершала свое тріумфальное шествіе среди всеобщаго хвалебнаго и ликующаго хора. Не было такихъ надеждъ и ожиданій, которыя не возлагались бы на науку, которыя казались бы слишкомъ смѣлыми. Казалось, что она не знаетъ невозможнаго, что она не имѣетъ преградъ, что ея горизонты безпредѣльны, могущество безконечно. Упоенные и ослѣпленные ея успѣхами и завоеваніями, ея адепты гордо и громко заявляли, что эта царица будущаго, въ особенности въ области естествознанія, не зна-

---

Карпентеръ свою статью, „въ одинъ прекрасный день, когда будутъ завершены тѣ яркія облаченія, въ которыя драпируется современная научная теорія (имѣющая ту особенность, что только ученые могутъ ихъ видѣть), и когда, какъ ожидается, человѣчество будетъ торжественно шествовать въ этомъ новомъ облаченіи на удивленіе всей вселенной, какой-нибудь ребенокъ, какъ въ Андерсеновской сказкѣ о новомъ царскомъ платьѣ, вдругъ съ порога своего дома закричитъ: „да на немъ нѣтъ ничего“, и среди нѣкотораго общаго смущенія всѣ увидятъ, что ребенокъ былъ правъ. Мое твердое убѣжденіе – что предъ судомъ строгаго логическаго мышленія царство законовъ науки окажется лишь непровѣренною гипотезой, и достовѣрность нашихъ научныхъ выводовъ — въ большей мѣрѣ лишь заблужденіемъ“. Статья Карпентера, конечно, парадоксальна, но она замѣчательна какъ одно изъ выраженій *протеста* противъ неумѣренныхъ притязаній ложной науки.

етъ границъ, не вѣдаетъ невозможнаго. И дѣйствительно, открытія и изобрѣтенія слѣдовали одни за другими; то, что еще сегодня казалось невозможнымъ и недостижимымъ, завтра становилось совершившимся фактомъ. Наука продолжала дѣлать завоеванія, но... въ хвалебномъ въ честь ея концертѣ стали слышаться диссонансы. Стало чувствоваться и стали раздаваться голоса, что наука, при всемъ своемъ могуществѣ, не можетъ удовлетворить человѣка, что какъ бы ни были велики ея открытія въ отдѣльныхъ случаяхъ, она все-таки не въ состояніи разрѣшить важнѣйшихъ вопросовъ бытія и жизни, не можетъ дать человѣку истинной нравственности, не можетъ улучшить его жизнь; не можетъ, словомъ, сдѣлать его счастливымъ ни въ какомъ отношеніи.

Въ настоящее время даже ученые натуралистическаго, враждебнаго религіи, направленія вынуждены сознаться, что для науки существуютъ границы, что религія и наука имѣютъ свои точно опредѣленныя области и что между ними должно произойти «примиреніе или соглашеніе». Каждый ученый — физіологъ, химикъ, математикъ, ботаникъ, филологъ, историкъ—занимается изслѣдованіемъ и установленіемъ отдѣльныхъ фактовъ въ своей области, собирая, такимъ образомъ, по выраженію Ньютона, «гладкіе камешки» и «красивыя раковинки». «Виновата ли наука, что ей суждено заниматься такимъ скромнымъ и прозаическимъ дѣломъ, и можно ли упрекнуть ее за то, что она не въ состояніи «объять необъятнаго?» Конечно нѣтъ; но если наука не можетъ дать человѣчеству познанія дѣйствительности, то человѣчество все-таки хочетъ знать эту дѣйствительность и имѣетъ право знать ее. Требованіе, чтобы люди отказались отъ послѣднихъ вопросовъ, неисполнимо, и гдѣ же остается имъ искать отвѣта на эти вопросы, какъ не въ религіи». Извѣстный французскій физіологъ Шарль Рише, возражая Брюнетьеру на его утвержденіе о банкротствѣ науки, тѣмъ не менѣе открыто и рѣшительно заявляетъ, что «человѣкъ погруженъ въ гу-

стой мракъ; онъ теряется среди явленій, изъ которыхъ ему доступна лишь ничтожная доля... что признавать безсиліе науки есть элементарное правило всякаго научнаго познанія, такъ какъ намъ доступны только явленія, внутренняя же сущность вещей отъ насъ ускользаетъ... что если бы чудесные телескопы и микроскопы позволяли намъ видѣть въ тысячу разъ дальше, предъ нами все-таки были бы лишь явленія и формы; что причинную связь матеріи и жизни мы не могли бы разсмотрѣть .. что понятіе матеріи превышаетъ наше разумѣніе... открывая законы, факты, явленія, методы, мы этимъ нисколько не приблизились къ познанію самой сущности вещей. Почему жолудь, посаженный въ землю, становится дубомъ? Вотъ проблема очень обыкновенная, очень простая и, безъ сомнѣнія, неразрѣшимая. Можно описать съ точностью, все болѣе и болѣе научной, послѣдовательныя формы превращенія жолудя въ дубь, но причина этихъ превращеній останется непостижимой.. Наука безсильна и признаетъ себя безсильной составить цѣлостное понятіе о вселенной и достигнуть абсолютнаго познанія абсолютной истины. Наукѣ, заключаетъ Рише, принадлежитъ изслѣдованіе міра явленій и область матеріальнаго прогресса; религіи принадлежитъ сфера конечныхъ вопросовъ и нравственная жизнь человѣчества. Вотъ ихъ границы и ихъ взаимное отношеніе» [1]).

«Потребности вѣры, пишетъ Брюнетьеръ въ своей послѣдней статьѣ «Le besoin de croire», ни убить, ни уничтожить совсѣмъ нельзя, такъ какъ она составляетъ основу морали, всякой науки и каждаго нашего поступка. Не имѣя вѣры, мы не могли бы дѣйствовать. Сомнѣніе способно расшатать самый сильный характеръ, убить самую крѣпкую волю, тогда какъ рычагомъ всякаго дѣйствія и двигателей его непремѣнно должна служить вѣра. Необходимость и польза вѣры имѣютъ свою основу въ настоя-

[1]) Тамъ же, стр. 5, 66, 67, 61.

тельномъ требованіи нашей природы; этою потребностью вѣрить, вложенною въ самое естество человѣка, обусловливается и все его поведеніе и направленіе его умственной дѣятельности. Вѣра есть основа всякой надежды, и ее нельзя отнять у человѣка, потому что невозможно уничтожить въ немъ потребность въ ней».

И эта вѣра не обманетъ
Того, кто ею лишь живетъ:
Не все, что здѣсь цвѣло, увянетъ,
Не все, что было здѣсь, пройдетъ.

«Всякое ученіе, временно одерживавшее въ наши дни верхъ надъ религіею, продолжаетъ Брюнетьеръ, достигало этого не иначе, какъ само превратясь въ нѣкотораго рода религію. И изъ чего только ни творилъ себѣ кумировъ въ этомъ смыслѣ нашъ вѣкъ. Было поклоненіе разуму, наукѣ, факту, прогрессу, искусству, демократіи, человѣческому страданію и солидарности. Люди поняли, что для того, чтобы дѣйствовать на умъ и волю себѣ подобныхъ, надо заимствовать у религіи ея способы воздѣйствія и средства. Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ примѣръ французской революціи, о которой еще Токвиль говорилъ, что она «сдѣлалась нѣкотораго рода религіею, правда, несовершенною, безъ Бога, вѣроисповѣданія и загробной жизни, но все таки религіею, подобно исламизму, наводнившему весь міръ своими защитниками, апостолами и мучениками». И дѣйствительно, въ религіи революціи отсутствуетъ ученіе о Божествѣ и загробной жизни, но обряды и поклоненіе кумирамъ сохранились у нея въ полной силѣ. Да и теперь еще не мало найдется французовъ, съ недовѣріемъ относящихся къ ученію Церкви и Евангелія, но наряду съ этимъ слѣпо-вѣрующихъ въ «Декларацію правъ человѣческихъ» и принципы 1789 года и готовыхъ воздавать дѣятелямъ революціи божескія почести. Эта религія революціи, хотя и въ уродливой формѣ, есть не что иное, какъ проявленіе потребности вѣрить. Въ концѣ

прошлаго вѣка была сдѣлана во Франціи практическая попытка отнять у народа его вѣрованія, но на самомъ дѣлѣ этимъ послѣднимъ удалось дать только новое и притомъ ложное направленіе. Потребность вѣры, у которой былъ отнятъ ея естественный объектъ, обратилась цѣликомъ на революціонную идею.

То, что сказано о религіи революціи, можно съ такимъ же правомъ повторить и въ примѣненіи къ религіи человѣчества и къ религіи прогресса—самымъ моднымъ вѣрованіямъ нашего вѣка. Раздавленный, уничтоженный прогрессомъ современный человѣкъ продолжаетъ вѣрить въ него слѣпо, безусловно и тѣмъ настойчивѣе и упорнѣе, чѣмъ меньше способенъ вѣровать во что-либо другое. Это доказываетъ, что отъ потребности вѣрить избавиться нельзя, такъ какъ она гнѣздится крѣпко въ самомъ сердцѣ человѣческомъ. Отрицанію не удается ея уничтожить: оно способно только изуродовать ее. Прервать на нѣсколько времени проявленіе ея можно, но изсушить источникъ ея—нельзя. Кто не повѣритъ слову Божію—повѣритъ человѣческому, кто не вѣритъ въ сверхъестественное—повѣритъ въ чудесное; кто не вѣритъ въ духъ—повѣритъ въ матерію, не менѣе непостижимую въ сущности своей, нежели духъ, и, сверхъ того, способенъ будетъ повѣрить въ духовъ». Такъ наказываетъ само себя невѣріе: отвергнувъ вѣчныя истины, оно обоготворяетъ грубыхъ идоловъ. Мистицизмъ, легковѣріе и суевѣріе идутъ обыкновенно на смѣну вѣры:

Но долго-ль скептикъ, упоенный
Своей побѣдой, ликовалъ?
Почуялъ духъ его смущенный,
Какъ много съ Вѣрой потерялъ.
Онъ безъ надежды остается,
Ему прибѣжища ужъ нѣтъ,
И сердцемъ онъ къ той безднѣ рвется,
Гдѣ міръ когда-то видѣлъ свѣтъ.

Покоя Разумъ не находитъ
И, съ безнадежною тоской,
Желанье изгнанное бродитъ
У пропасти заповѣдной...[1])

Въ прежнее время нѣкоторые изслѣдователи утверждали, будто бы есть племена, настолько дикія, что у нихъ нѣтъ никакой религіи, никакихъ религіозныхъ понятій. Въ настоящее время однако съ положительностью установлено, что подобныя утвержденія происходили только отъ недостаточности изученія предмета и что въ наукѣ неизвѣстно ни одного племени, у котораго не было бы религіи, хотя иногда и въ грубой формѣ. (Объ этомъ подробно говоритъ, напримѣръ, Тэйлоръ во второмъ томѣ своей «Первобытной культуры» («Анимизмъ»). Столь же неоспоримый фактъ, какъ и всеобщность религіи—ея поразительная живучесть. Когда, подъ напоромъ враждебныхъ силъ, ослабѣваетъ истинная религія—расцвѣтаетъ мистицизмъ во всевозможныхъ формахъ, оживаютъ суевѣрія—самыя дикія и нелѣпыя. Когда скрывается солнце, выползаютъ на землю ночные гады. Разительный примѣръ этого представляетъ современная Франція. Извѣстно, что религія, въ особенности въ большихъ центрахъ, находится тамъ въ большомъ упадкѣ. Можно ли однако сказать, что стремленіе къ непостижимому тамъ уже исчезло? Отнюдь нѣтъ. Масонство, буддизмъ (съ принесеніемъ *жертвъ* по обряду этой религіи!), гностицизмъ, сведенборгіанство, оккультизмъ, каббализмъ, магія, теософія, культъ Изиды, культъ женщины—по Огюсту Конту, язычество, поклоненіе Венерѣ и Аполлону, ессеніанизмъ (поклоненіе Жаннѣ д'Аркъ)

---

[1]) Самъ творецъ позитивной философіи Огюстъ Контъ, отвергнувъ всякую религію, подъ конецъ своей жизни придумалъ и основалъ свою собственную религію, съ цѣлымъ календаремъ святыхъ и праздниковъ Скажутъ: это помѣшательство. Но, во-первыхъ, это еще отнюдь не доказано, а во-вторыхъ, если это даже и помѣшательство—почему же помѣшался Контъ именно на религіи, а не на чемъ-либо другомъ?

и проч. и, наконецъ, *сатанизмъ*, *поклоненіе сатанѣ*!—въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова—вотъ удивительная картина *вѣрованій* современной Франціи! Можно ли идти далѣе? И не есть ли всѣ эти суевѣрія, такъ сказать, *суррогаты* истинной религіи? не есть ли это тѣ свиные рожцы, которыми хотятъ обмануть свой духовный гладъ современныя блудныя дѣти, ушедшія на страну далече отъ своего Отца Небеснаго? Не есть ли это лучшее доказательство того, что человѣчество не можетъ жить безъ вѣры?

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.

Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесь выноситъ!..
И сознаетъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣры... но о ней не проситъ.

Вполнѣ приложимы къ нашему вѣку и другія слова поэта:

И нѣтъ въ тебѣ теплаго мѣста для вѣры,
И нѣтъ для безвѣрія мѣста въ тебѣ. .

Въ Англіи въ недавнее время всѣ политическіе, общественные и прочіе вопросы поблѣднѣли и стушевались предъ вопросомъ церковнымъ. Нѣкоторые англійскіе епископы стали вводить въ богослуженіе католическіе обряды. Этого оказалось достаточнымъ, чтобы въ странѣ поднялось страшное волненіе, заставившее совершенно забыть даже самые острые и жгучіе политическіе вопросы. Что касается Россіи, то достаточно указать, напримѣръ, на то, какое благоговѣйное почитаніе возбуждаютъ къ себѣ у насъ выдающіяся въ духовномъ отношеніи личности, какъ напримѣръ, о. Іоаннъ Кронштадтскій, или, напримѣръ, на то, какой интересъ къ себѣ и даже восторгъ возбудили

въ обществѣ и печати, безъ различія направленій, религіозныя картины Васнецова. И вообще наше время совсѣмъ не такъ безрелигіозно, какъ можетъ показаться поверхностному наблюдателю: внимательный наблюдатель, напротивъ, замѣтитъ много фактовъ совершенно противоположнаго характера, какъ, напримѣръ, все болѣе и болѣе пробуждающійся въ наше время интересъ ко всякаго рода религіознымъ и нравственнымъ ученіямъ, даже отжившимъ, какъ, напримѣръ, буддизму, и успѣхъ этихъ ученій, международные конгрессы религій и проч. «Нашъ вѣкъ, говоритъ Льюисъ, нельзя назвать лишеннымъ вѣры, и скептицизмъ лишь раздражаетъ его». Самъ Золя говоритъ, какъ мы уже видѣли, о поворотѣ общества къ вѣрѣ и оживленіи религіозности въ настоящее время.

III.

Если отъ области знанія мы обратимся къ области нравственности, то увидимъ, что пріобрѣтенія, сдѣланныя для человѣчества наукою въ этой области несравненно меньше. Наука не могла и не можетъ дать человѣчеству истинной нравственности, такъ какъ у нея для этого нѣтъ источника. «Каждая наука», говоритъ Карпентеръ, «объясняетъ явленія, ею изслѣдуемыя, по возможности, понятіями низшаго порядка. Такъ этика сведена на вопросы полезности и унаслѣдованныхъ привычекъ». Тогда какъ религія смотритъ на человѣка какъ на *образъ Божій* и потому указываетъ ему *божественныя* начала жизни, наука смотритъ на него лишь какъ на зоологическую разновидность, лишь какъ на высшее *животное* и потому даетъ ему только *зоологическіе* принципы жизни, основанные на детерминизмѣ, борьбѣ за существованіе, теоріи приспособленія, стремленіи къ наибольшему количеству пріятнаго и полезнаго съ устраненіемъ противнаго и т. п. Всѣ гуманитарныя идеи и понятія нашего времени въ сущности созданы христіанствомъ. «Всѣ мы стоимъ на почвѣ хри-

стіанства со всею наукою и философіей», говорилъ Фихте. Тоже говорилъ и Милль, а философъ Мендельсонъ замѣчаетъ, что «безъ высшихъ руководящихъ началъ, безъ религіи самая наша нравственность обращается какъ бы въ слабость». Къ сожалѣнію только общество плохо сознаетъ это и непростительно забываетъ, чѣмъ оно обязано христіанству. «Христіанство», говорилъ тотъ же Фихте, самыми разнообразными путями проникло въ нашу культуру, и мы не могли бы быть тѣмъ, что мы есть, если бы этотъ могучій принципъ не предшествовалъ намъ во времени. «Какъ жалки», продолжаетъ Фихте, тѣ «культурные представители современности, которые глумятся надъ этою великою историческою силой! Они не подозрѣваютъ, что лишь благодаря вліянію христіанства они до сихъ поръ не разбиваютъ своихъ лбовъ предъ деревянными кумирами и не приносятъ своихъ дѣтей въ жертву Молоху». А Брюнетьеръ въ упомянутой уже статьѣ говоритъ, что всѣ усилія «смірщить» нравственность или сдѣлать ее свѣтскою, какія употреблялись въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ до нашего времени, всегда были только искаженіемъ, измѣненіемъ или маскировкой какой-нибудь христіанской идеи и заключаетъ: «Такъ мы пропитаны христіанствомъ! Мы въ немъ живемъ и движемся и существуемъ».

Напротивъ, гдѣ нѣтъ вѣры или гдѣ она слабѣетъ, тамъ падаетъ и нравственность и обыкновенно настолько, насколько слабѣетъ вѣра. И нужно сказать, что оба эти явленія наблюдаются чаще всего въ центрахъ цивилизаціи—этого дѣтища науки. Ужасная и даже какая то противоестественная безнравственность, полное нравственное одичаніе, немыслимое ни у какихъ дикарей—вотъ картина нравственнаго или, вѣрнѣе, безнравственнаго состоянія тѣхъ обществъ, гдѣ царствуетъ атеизмъ, напр, Парижа. Доказательствъ этому сколько угодно у самого Золя. Посмотримъ, напримѣръ, какое общество и какіе типы изображаетъ онъ въ своемъ «Парижѣ». Здѣсь и мать съ дочерью изъ аристократической семьи, отбивающія другъ

у друга любовника и смертельно ненавидящія другъ друга; и молодой графъ, сперва состоящій въ связи съ матерью, а потомъ продающій себя дочери—уроду; и публичная женщина, дошедшая до послѣдней степени паденія и тѣмъ не менѣе свергающая и назначающая министровъ; финансистъ, подкупающій депутатовъ и низвергающій министерства въ угоду своей любовницѣ; психопаты и психопатки съ извращеннымъ половымъ чувствомъ; избранное общество, посѣщающее омерзительнѣйшіе кабаки, или развлекающееся неприличными танцами; продажные министры и депутаты; подонки прессы—редакторы, ради дохода превратившіе свои газеты въ помойныя ямы и печатающіе такія мерзости, отъ которыхъ краснѣютъ даже потерявшіе всякій стыдъ дѣльцы, и т. д., и т. д. Съ одной стороны — абсолютное забвеніе самыхъ основныхъ понятій чести и совѣсти—продажные депутаты—представители народа, обманывающіе его довѣріе—и министры, мошенничества, политическіе скандалы и проч., безбожная эксплуатація низшихъ классовъ и месть со стороны послѣднихъ бомбами, кинжаломъ и револьверомъ, неистовое и нескрываемое взаимное озлобленіе, шантажная пресса, изступленная и ничѣмъ ненасытимая погоня за наживой и наслажденіями, право сильнаго, остервенѣлая борьба всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ, стремленіе съѣсть всѣхъ, кого можно, дабы самому не быть съѣденнымъ ими—по теоріи борьбы за существованіе и по пословицѣ: «homo homini lupus est» или: «кто кого можетъ, тотъ того сгложетъ» [1]), поразительная сердеч-

[1]) Въ одномъ изъ французскихъ журналовъ была помѣщена недавно весьма остроумная каррикатура на современный политическій строй Франціи. Изображено стадо свиней, съ остервенѣніемъ отбивающихъ другъ у друга кормъ. Подпись подъ каррикатурой гласитъ: „libre concurrence“. Практическая философія нашего времени это—безжалостное отношеніе къ ближнему, въ оправданіе чего приводятъ дурно и тенденіозно понятую теорію Дарвина борьбы за существованіе. Весьма характерна въ этомъ отношеніи рѣчь одного преступника-убійцы, прово-

ная черствость и огрубѣлость, полное равнодушіе къ чужимъ страданіямъ; съ другой — какой то изступленный, неистовый и противоестественный развратъ: гимнъ пороку, поклоненіе грѣху, проповѣдь преступленія, отражающіеся въ литературѣ, дошедшей до послѣдней степени гнусности [1]). Неправда ли, какая параллель религіозному (вѣрнѣе безрелигіозному) состоянію. Религія и нравственность нераздѣльны. Освобождая себя отъ узъ религіи, люди необходимо освобождаютъ себя и отъ узъ нравственности. Правда и между безрелигіозными есть не мало честныхъ и нравственныхъ людей, но при этомъ забывается обыкновенно, что люди эти, безсознательно и не сознаваясь въ этомъ, живутъ моралью, выработанною христіанствомъ, которое они отрицаютъ. Петръ Никифоровичъ, о которомъ упоминаетъ Толстой въ «Вступленіи къ исторіи матери»—есть такой же продуктъ христіанства.

Но если наука не можетъ и не должна замѣнить религію въ области знанія и морали, то не можетъ ли она по крайней мѣрѣ замѣнить ее въ жизни? т.-е. не задаваясь высшими вопросами знанія и нравственности, можетъ ли она настолько благоустроить человѣческую жизнь, чтобы человѣкъ чувствовалъ себя счастливымъ? Съ этимъ вопросомъ мы подходимъ къ тому, что называется цивилизаціей.

димая въ книгѣ Поля Реньяра „Умственныя эпидеміи“. „Я убилъ“,— сказалъ преступникъ, обращаясь къ предсѣдателю суда присяжныхъ,—„и вы убейте меня, я имѣлъ право совершать убійство — и вы также имѣете его, я - побѣжденный, а вы - побѣдители; не существуетъ ни нравственности, ни соціальныхъ принциповъ; на свѣтѣ есть только борьба за существованіе, при чемъ успѣхъ всегда на сторонѣ болѣе сильнаго“. „Этотъ фанатикъ“,—замѣчаетъ Поль Реньяръ,—„только преувеличиваетъ обычную точку зрѣнія многихъ людей, не считающихъ ее ни постыдной, ни безчестной“.

[1]) О французскихъ символистахъ, декадентахъ и проч. Бодлэрѣ, Ришпенѣ, Верлэнѣ и др., объ изступленномъ сладострастіи и не менѣе изступленномъ богохульствѣ ихъ произведеній см. напр. книгу Макса Нордау „Вырожденіе“, глава 2—9.

IV.

Цивилизація—фетишъ нашего времени! какое это если не великое, то во всякомъ случаѣ могущественное слово! и какъ опасно говорить что-либо не въ восхваленіе ея. Какъ! скажутъ намъ—а успѣхи и изобрѣтенія цивилизаціи: усовершенствованные пути сообщенія, телеграфы, телефоны, электрическій свѣтъ, иксъ-лучи, телеграфія безъ проволокъ, успѣхи хирургіи и проч. и проч.; съ другой стороны—гуманитарныя понятія и учрежденія нашего времени: школы, университеты, благотворительность, больницы, уничтоженіе ужасныхъ тюремъ, пытокъ, кровавыхъ религіозныхъ войнъ и побоищъ и т. д. и т. д. Вспомните, скажутъ, напримѣръ, хоть какихъ-нибудь Франковъ времени Хлодвига, которые всѣ поголовно были преступниками, такъ какъ каждый изъ нихъ дѣлалъ все, что хотѣлъ—грабилъ, похищалъ, убивалъ, насильничалъ совершенно свободно и безнаказанно, и сравните съ этимъ строгую законность и гуманность нашего времени.—Все это несомнѣнно такъ;—тѣмъ не менѣе когда приходится говорить о современной цивилизаціи, неизбѣжно приходится ставить цѣлый рядъ: *но*.

И прежде всего—когда говорятъ объ изобрѣтеніяхъ и успѣхахъ цивилизаціи, не нужно забывать того, что не всѣ ея изобрѣтенія и успѣхи благодѣтельны. Динамитъ и мелинитъ, разрывныя пули, динамитныя пушки, алкоголь и различные яды, невольничество со всѣми ужасами торговли людьми и проч.—тоже изобрѣтенія и порожденія цицилизаціи. Истребленіе дикихъ племенъ въ Америкѣ съ попраніемъ основныхъ законовъ права и справедливости и уничтоженіе ихъ въ другихъ мѣстахъ спаиваніемъ и различными «культурными» болѣзнями производится тоже культурными людьми и во имя цивилизаціи. Кровавые подвиги нѣмецкихъ и англійскихъ культуртрегеровъ на беззащитныхъ африканскихъ дикаряхъ совершаются пред-

ставителями высококультурныхъ европейскихъ народовъ. Можно бы многое привести въ этомъ родѣ.

Съ распространеніемъ цивилизаціи исчезаетъ поэзія и идилличность прежняго времени. Правда, много золъ происходило отъ невѣжества и грубости въ прежнее время, но не все же было тогда плохо. Цивилизація истребляетъ природу и уничтожаетъ ея красоту. Куда дѣваются первоисходныя лѣсныя чащи съ несмолкаемыми тысячеголосыми птичьими концертами, необозримые цвѣтущіе луга, полноводныя, кишащія рыбой рѣки, журчащіе ручейки. Увы! нашествіе цивилизаціи все это сметаетъ съ лица земли. Лѣса безпощадно истребляются, рѣки мелѣютъ и высыхаютъ, рыба исчезаетъ, исчезаютъ и животныя и птицы, населявшія и наполнявшія лѣса. Отъ многихъ драгоцѣнныхъ птицъ и животныхъ остается почти одно только воспоминаніе. Безжалостно и безпощадно истребляются на дамскіе уборы блещущія роскошнымъ опереніемъ фазаны, колибри и райскія птички; буйволы, лоси, зубры и многіе другія животныя скоро исчезнутъ совсѣмъ. Человѣкъ пожираетъ, избиваетъ и истребляетъ все живое на поверхности земли; на мѣсто природы надвигается фабричный городъ, одна сплошная рыночная площадь, базаръ житейской суеты. Поэтическое выраженіе: «не шуми ты, темный лѣсъ, зеленая дубрава!» становится уже анахронизмомъ. Исчезаетъ уже темный лѣсъ; шумятъ только паровозы, пронзительно гудятъ и свистятъ фабричные свистки, да фабричныя трубы изрыгаютъ клубы чернаго, удушливаго дыма. И вѣтеръ уже не шумитъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, а толчется между нескончаемыми рядами столбовъ и гудитъ, словно плачетъ заблудившійся сирота, между телеграфными проволоками. Отовсюду пропадаютъ краски; безвозвратно изчезаютъ живописные и яркіе народные костюмы, живые и интересные народные обычаи и преданія. Происходитъ всеобщая нивеллировка, мельчаютъ характеры, мельчаютъ таланты во всѣхъ отрасляхъ знанія, литературы и искусства; исчезаетъ красота и разнообразные

дары природы, обычные у нашихъ предковъ: густые волосы, крѣпкіе зубы и глаза, несокрушимое здоровье, долговѣчность и проч. и проч. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ людей въ современной Англіи, извѣстный эстетикъ и философъ Джонъ Рескинъ выразился недавно, что капитализмъ изуродовалъ землю и людей, и красоты нѣтъ болѣе на землѣ. Джонъ Рескинъ—страстный противникъ современной машинной культуры, обезображивающей природу. Въ Англіи, говоритъ онъ, не осталось ни одной мирной долины, которой не наполнили бы клокочущимъ паромъ. Сколько великолѣпныхъ пейзажей измѣнены, обезображены прогрессомъ культуры—какимъ нибудь портомъ или желѣзною дорогой, или «украшены» ради туристовъ отелемъ или кабачкомъ. Краснорѣчиво описываетъ онъ порчу природы, развращающее вліяніе желѣзныхъ дорогъ на населеніе. Самъ онъ избѣгаетъ пользоваться желѣзными дорогами (даже книги свои не позволяетъ перевозить по нимъ), изгналъ газъ изъ своего дома и старается воскресить въ Англіи ручное производство, забытое тамъ до того, что старинныя прялки и станки удалось возстановить только послѣ долгихъ усилій, словно веретено въ извѣстной волшебной сказкѣ—лишь по сохранившимся случайно рисункамъ и даже *по Одиссеѣ Гомера*. Ручная работа, по мнѣнію Рескина, безконечно осмысленнѣе, благороднѣе, нравственнѣе, здоровѣе, веселѣе и красивѣе работы безсмысленной машины, движимой зловоннымъ паромъ. Вообще старинная исчезающая жизнь въ сравненіи съ надвигающейся на ея мѣсто шумной современной цивилизаціей напоминаетъ старинную башню съ мерцающей лампадой въ воротахъ—въ углу залитой яркимъ электрическимъ свѣтомъ площади.—Не нужно принимать сказаннаго за однѣ лишь сантиментальныя фразы—дѣло въ томъ, что природа жестоко и безпощадно мститъ человѣку за раззореніе ея и попраніе ея законовъ. Съ истребленіемъ лѣсовъ исчезаютъ резервуары влажнаго воздуха; воздухъ становится суше; высыхаютъ рѣки и исчезаетъ рыба; го-

раздо рѣже становятся дожди—отсюда засуха и неурожаи. Солнце на раскаленномъ, точно мѣдномъ небѣ, не заслоняемое дождевыми тучами, приноситъ уже не жизнь и отраду, а смерть и проклятіе. Сухіе вѣтры, прежде задерживавшіеся лѣсами, теперь уже безпрепятственно выдуваютъ послѣдніе остатки влажности изъ почвы; почва, прежде связанная корнями растеній, разрыхляется, образуются овраги, куда весенніе ручьи сносятъ весь черноземъ съ полей; пески, задерживаемые ранѣе тѣми же корнями растеній, теперь устремляются на поля и засыпаютъ ихъ, обращая тысячи десятинъ плодородной земли въ голую пустыню. Различныя насѣкомыя, насильственно выселенныя изъ лѣсовъ съ истребленіемъ послѣднихъ, переселяются на поля и пожираютъ посѣвы; вредный для нашего дыханія азотъ, поглощаемый обыкновенно зелеными частями растеній, теперь остается въ воздухѣ. Что во всемъ сказанномъ нѣтъ и тѣни преувеличенія и, что все это совершается у насъ въ Россіи сейчасъ и на нашихъ глазахъ—это знаютъ всѣ читающіе газеты. На Западѣ давно сознали значеніе лѣсовъ и не только дорожатъ теперь буквально каждымъ оставшимся деревомъ, но и усиленно заботятся о лѣсоразведеніи. Въ большихъ фабричныхъ округахъ и городахъ фабричныя трубы изрыгаютъ такую массу дыма, что населеніе этихъ мѣстъ почти никогда не видитъ солнца, а лишь вѣчно хмурое и плачущее небо. Въ этомъ дыму—всѣ машины обыкновенно отапливаются каменнымъ углемъ—содержится масса угольной кислоты, сѣры и другихъ ядовитыхъ продуктовъ горѣнія, отравляющихъ воздухъ и дыханіе. Вѣчно хмурое небо производитъ въ Лондонѣ тяжелую форму ипохондріи—сплинъ, который часто разрѣшается самоубійствомъ. Ядовитыя фабричныя воды, нефть и мазутъ отравляютъ почву и рѣки, убиваютъ въ нихъ рыбу и отравляютъ населеніе.

Современная цивилизація создала громадные промышленные и торговые города и округи и собрала туда массы людей (изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ у насъ Россіи,

многихъ отвлекла отъ ихъ естественныхъ занятій земледѣльческимъ трудомъ). Всѣмъ этимъ принято гордиться, на это смотрятъ какъ на показатель благосостоянія и культурности страны, а нынѣшніе марксисты видятъ въ поглощеніи фабрикою земледѣлія и народа и во владычествѣ фабрики идеалъ соціологіи. Но не нужно забывать, что всякая медаль имѣетъ двѣ стороны, что и цивилизація имѣетъ свою обратную сторону, и что вслѣдствіе испорченности и несовершенства человѣческой природы, люди несравненно скорѣе и легче усвоиваютъ именно эту, обратную сторону. Исторія знаетъ великихъ государственныхъ людей, между прочимъ и русскихъ, которые въ развитіи фабричной промышленности видѣли для своей страны не благо, а зло. Петръ Великій посылалъ виноватыхъ женщинъ и дѣвицъ на фабрики «для исправленія»; въ наше время подобная мѣра исправленія можетъ вызвать только улыбку. Фабричные и промышленные центры, большіе города, по одному выраженію «клоаки государствъ» — часто являются могилами народной нравственности. Крупная промышленность и торговля убиваетъ мелкую. Вотъ какъ рисуетъ фабричную работу Чеховъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ разсказовъ: «Тысячи полторы—двѣ фабричныхъ работаютъ безъ отдыха, въ нездоровой обстановкѣ, дѣлая плохой ситецъ, живутъ въ проголодь и только изрѣдка въ кабакѣ отрезвляются отъ этого кошмара; сотня людей надзираетъ за работой, и вся жизнь этой сотни уходитъ на записываніе штрафовъ, на брань, несправедливости, и только двое-трое, такъ называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсѣмъ не работаютъ и презираютъ плохой ситецъ»... То же мнѣніе, только въ несравненно болѣе рѣзкой формѣ и гораздо пространнѣе высказываетъ многократно даже и графъ Л. Толстой. Вообще разочарованіе въ машинной цивилизаціи и протесты противъ нея слышатся въ настоящее время съ каждымъ днемъ все сильнѣе и единодушнѣе. Въ Англіи уже сознаютъ теперь вредъ, причиненный странѣ пренебреженіемъ

къ земледѣлію Желѣзныя дороги нѣкоторые сравниваютъ съ гигантскою паутиной, охватившею земной шаръ, а большіе города съ пауками, которые разсылаютъ во всѣ стороны въ среду народную ядъ такъ называемой трактирной цивилизаціи—избалованность, развратъ, пьянство[1]), буйный разгулъ, глумленіе надъ вѣрой, церковными установленіями и надъ всѣми нравственными основами народной жизни, дурныя болѣзни и всѣ прочія прелести фабричной цивилизаціи Испитой, съ землистымъ цвѣтомъ лица, или, напротивъ, опухшій отъ пьянства, съ дрожащими руками—вотъ все чаще и чаще встрѣчающійся теперь типъ городского рабочаго. Огрубѣніе и одичаніе народа подъ вліяніемъ «трактирной цивилизаціи» ярко и рельефно изображается въ современныхъ разсказахъ изъ народной жизни нерѣдко ужасныхъ въ своей эпической простотѣ Вотъ, напримѣръ, небольшая выдержка изъ одного изъ такихъ разсказовъ («конецъ Андрея Ивановича» г. Вересаева): «Сегодня, по случаю праздника, въ домѣ всѣ были пьяны, и чуть не изъ каждой квартиры неслись стоны и крики истязуемыхъ женщинъ и дѣтей»[2]). Дѣти этихъ рабочихъ, рожденные отъ больныхъ и пьяныхъ родителей, выросшіе въ нищетѣ, въ сырости и грязи под-

---

[1]) Вотъ маленькій уголокъ статистики: въ 1887 году въ Европейской Россіи истреблено чистаго безводнаго спирта $25^1/_2$ милліоновъ ведеръ, т. е около 60 милліоновъ ведеръ водки. Въ одномъ Петербургѣ въ 1893 году выпито 2,274,093 ведеръ водки.

[2]) Иногда сложныя положенія удачно иллюстрируются маленькими разсказами и рисунками. Въ одномъ изъ петербургскихъ иллюстрированныхъ журналовъ намъ пришлось видѣть недавно два рисунка подъ общимъ названіемъ: „въ Петербургъ и обратно“. Первый изъ этихъ рисунковъ изображаетъ крестьянина, только что пріѣхавшаго изъ деревни въ Петербургъ на заработки – солидно по деревенски одѣтаго, съ кучей багажа, нанимающаго извозчика. На второмъ рисункѣ—тотъ же крестьянинъ, но уже совершенно оборванный, въ сопровожденіи городового съ книгой, очевидно, высылается изъ Петербурга на родину по этапу.

валовъ и чердаковъ, безъ призора, не видавшіе неба и солнца, которые заслоняютъ отъ нихъ стѣны многоэтажныхъ домовъ да дымъ фабричныхъ трубъ, производящій никогда почти не разсѣивающійся туманъ,—нерѣдко свидѣтели пьянаго разгула и разврата, жестокихъ и возмутительныхъ побоищъ и сценъ, еще чаще сами жертвы жестокаго обращенія, побоевъ и истязаній,—дѣти эти уже въ нѣжномъ младенческомъ возрастѣ напоминаютъ своимъ видомъ стариковъ и уже знакомы со всею пошлостью жизни. Вотъ самое недавнее описаніе одного русскаго дѣтскаго фабричнаго общежитія. Изобразивъ невозможное во всѣхъ отношеніяхъ логовище, въ которомъ помѣщаются дѣти, корреспондентъ продолжаетъ:

Блѣднолицыя, съ рубцами отъ ожоговъ, съ красными отъ работы въ жарѣ, слезящимися глазами, съ худыми, плоскими, часто вдавленными, словно проломленными грудями, съ безучастно-равнодушнымъ взглядомъ, оборванные, покрытые слоемъ грязи и сажи—вотъ внѣшній видъ типичнаго подростка—обитателя общежитія.

Этому наружному виду соотвѣтствовало и внутреннее состояніе несчастныхъ дѣтей. Алкоголь, ранній развратъ, извращенныя привычки, все здѣсь налицо. Запертые въ одну комнату, безъ всякаго различія возрастовъ, дѣти и подростки быстро становились взрослыми въ смыслѣ весьма скораго усвоенія пороковъ, въ смыслѣ утраты чистоты сердца и помысловъ, въ смыслѣ, наконецъ, полнаго растлѣнія духа. Дѣти петербургской «Вяземской Лавры» (петербургскаго Хитрова рынка), безпризорные, безпріютные, въ пять семь лѣтъ — прямые кандидаты въ тюрьму, знакомы рѣшительно со всѣми пороками и поражаютъ своимъ цинизмомъ. «Мнѣ», говоритъ такой ребенокъ, «все равно одна дорога — кандалы». А въ одномъ изъ нашихъ большихъ городовъ былъ обнаруженъ недавно притонъ воровской школы. «На чердакѣ, въ небольшой, въ два съ половиной аршина вышины, почти совершенно темной, грязной, холодной конурѣ,

на гнилой соломѣ и такихъ же тюфякахъ, лежали тридцать два изможденныхъ холодныхъ, голодныхъ существа, отъ 6 до 16-лѣтняго возраста. Большинство изъ нихъ оказалось буквально голыми, а нѣкоторыя въ страшно-грязныхъ рубищахъ. Вся эта неимовѣрная картина освѣщалась слабымъ свѣтомъ маленькой коптѣвшей лампочки. Въ трущобѣ положительно невозможно было дышать. Фотографія, снятая съ этихъ дѣтей, производитъ потрясающее впечатлѣніе, наглядно свидѣтельствуя о всемъ ужасѣ вырожденія, заброшенности и испорченности, запечатлѣнныхъ на лицахъ и фигурахъ этихъ полудѣтей—полузвѣрей». За границей не рѣдкость работа на фабрикахъ четырехлѣтнихъ малютокъ, которыхъ родители идя рано утромъ на работу, несутъ сонныхъ на рукахъ. Такъ происходитъ не только нравственное и физическое вырожденіе населенія [1]), но и прямая его гибель, что прямо утверждаютъ даже самые либеральные наши органы. Статистика наглядно показываетъ, что фабричные округи даютъ все менѣе и менѣе людей, годныхъ для военной службы. Дорого продаваемый, дурно пахнущій и коптящій керосинъ, замѣнившій собою имѣвшую дезинфекцирующее значеніе лучину,—вотъ до нѣкоторой степени эмблема примѣненія современной цивилизаціи къ народу. Ослабленіе семейнаго начала въ крестьянскомъ быту, семейные раздѣлы, влекущіе за собою обыкновенно полное раззореніе раздѣлившихся, уменьшеніе трудолюбія, все увеличивающаяся избалованность и проч.—все это несомнѣнно вліяніе и дѣло города. Принято говорить, что открытіе школы влечетъ за собою закрытіе тюрьмы, но у насъ въ Россіи

---

[1]) Рабочій людъ вырождается уже на четвертомъ поколѣніи Во Франціи развращенность юношества изъ „народа“ достигла крайнихъ предѣловъ. Убійства самыя циничныя совершаются чуть ли не каждодневно большею частью несовершеннолѣтними юношами. Недавно передъ казнью приговоренный воскликнулъ слѣдующія горькія слова, освѣщающія настоящую причину все увеличивающихся преступленій: скажите всѣмъ, что меня привело сюда отсутствіе христіанскаго воспитанія.

народъ нерѣдко разсуждаетъ иначе. Умные и благонамѣренные старики говорятъ, что учившіеся въ школахъ не хотятъ слушаться родителей, дѣлать крестьянскую работу, довольствоваться своимъ положеніемъ. Разумѣется, не школа сама по себѣ виновата въ этомъ, а недостатки постановки дѣла школьнаго обученія и воспитанія. Можно сказать вообще, что традиціи старины исчезаютъ съ каждымъ днемъ.

...Прогрессъ подвигается,
И не видно движенью конца:
Что сегодня постыднымъ считается,—
Удостоится завтра вѣнца.

Всему этому несомнѣнно въ значительной степени способствуетъ нѣкоторая часть печати.

Развитіе промышленности и городской жизни увеличиваетъ стремленіе къ комфорту и роскоши и создаетъ тысячи все новыхъ и новыхъ потребностей, которыхъ не знали не только наши предки и отцы, но даже и мы сами до вчерашняго дня. Увеличеніе потребностей и скученность населенія вызываютъ дороговизну, все увеличивающуюся, особенно въ городахъ, и очень чувствительную для небогатыхъ. Въ промышленность и торговлю все болѣе и болѣе проникаютъ обманъ и недобросовѣстная поддѣлка. Чѣмъ населеннѣе мѣсто, тѣмъ труднѣе достать въ немъ настоящіе продукты и матеріалы и тѣмъ шире область поддѣлокъ. «Обманъ, говоритъ Саймъ, въ той или другой изъ тысячъ его формъ, встрѣчаетъ насъ на каждомъ шагу, во всѣ часы дня. Все, что мы покупаемъ, не сходно съ тѣмъ, за что оно выдается; все, что мы ѣдимъ, пьемъ и носимъ на себѣ, болѣе или менѣе поддѣлано, такъ что мы живемъ въ настоящей атмосферѣ обмана». «Британскіе фабриканты, говоритъ Вилліамъ Самуэль Лилли, до такой степени привыкли дѣлать вещи только для продажи, что, повидимому, совершенно забыли, что вещи эти должны быть пригодны для какого-нибудь употребленія». Въ част-

ности поддѣлка пищевыхъ веществъ вызываетъ тяжелыя и разнообразныя болѣзни и отравляетъ населеніе. Самая благотворительность въ настоящее время часто обращаеся лишь въ показную комедію и только служитъ поводомъ къ увеселеніямъ и забавамъ.

Въ настоящее время жизнь мчится съ такою головокружительною быстротою, что человѣкъ, ошеломленный, рѣшительно не успѣваетъ поспѣвать за ней. Пословица: «время—деньги» вполнѣ характеризуетъ нашъ вѣкъ, для котораго телеграфъ оказывается уже недостаточно скорымъ и устарѣвшимъ средствомъ сношеній. Всевозможныя открытія и изобрѣтенія слѣдуютъ одно за другимъ; различныя предпріятія—промышленныя, торговыя, художественныя, научныя и всякія другія, нерѣдко весьма грандіозныя, множатся и растутъ съ поразительной быстротой; новые вопросы и теченія и постоянная смѣна міросозерцаній въ основныхъ вопросахъ знанія и жизни;—эта необыкновенная анархія идеп, характеризующая наше время, необыкновенное развитіе прессы, въ значительной степени убивающее книгу, спѣшное и поверхностное просматриваніе громадныхъ газетныхъ листовъ и жадное срываніе съ столбцовъ газетъ всевозможныхъ и сенсаціонныхъ послѣднихъ новостей, замѣнившее собою прежнее неторопливое, внимательное и вдумчивое чтеніе книгъ; политическіе скандалы и происшествія, волнующіе западноевропейскія страны и разстраивающія правильное теченіе общественной жизни; крайне ненормальный образъ жизни, обращеніе ночи въ день и дня въ ночь, злоупотребленіе различными культурными ядами и возбуждающими средствами—все это требуетъ отъ растерявшагося человѣка постояннаго приспособленія къ себѣ и страшно взвинчиваетъ и развинчиваетъ нервы. Сильнѣйшая конкуренція, представляющая собою полную картину борьбы за существованіе, въ которой побѣждаютъ лишь болѣе сильные или болѣе хитрые, безпощадно топча слабыхъ, требуетъ отъ борющихся невѣроятныхъ усилій и страшнаго напря-

женія силъ и въ высшей степени и утомляетъ и озлобляетъ.

Все упорнѣе усилья,
Все назойливѣе зло.

Переутомленіе, нервозность, неврастенія, психопатство, помѣшательство въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, самоубійства и притомъ нерѣдко эксцентрическія, при театральной, кричащей, разсчитанной на эффектъ, обстановкѣ, и все это въ геометрически возрастающей прогрессіи— настоящее знаменіе нашего времени. Различныя и многообразныя выходки, характеризующіяся отреченіемъ на практикѣ отъ традиціонной порядочности, которая въ теоріи еще признается, получили въ наше время характерное, хотя и неточное названіе поступковъ «Fin de siécle». Люди съ болѣзненно обостренной чувствительностью, люди съ больной неуравновѣшенной и развинченной первной системой, люди, совершенно лишенные воли и совершенно неспособные противодѣйствовать давленію внѣшнихъ обстоятельствъ и потому при малѣйшей неудачѣ впадающіе въ отчаяніе, думающіе о самоубійствѣ или убійствѣ— это для нихъ рѣшительно все равно—и т. п.—въ настоящее время не встрѣчаются въ рѣдкой семьѣ. Ломброзо въ одной изъ самыхъ недавнихъ своихъ статей говоритъ, что съ развитіемъ цивилизаціи замѣчается такое громадное увеличеніе числа помѣшанныхъ, что тамъ, гдѣ прежде хватало одной больницы для умалишенныхъ, теперь требуется ихъ пять и шесть. Если мы, напримѣръ, возьмемъ статистику самой передовой страны въ мірѣ, Соединенныхъ Штатовъ, то увидимъ, что въ то время, какъ народонаселеніе удвоилось въ теченіе 30 лѣтъ, число помѣшанныхъ ушестерилось; и даже за послѣднее десятилѣтіе народонаселеніе увеличилось на 30%, а число помѣшанныхъ на 155%. Тоже и во Франціи. Эти цифры показываютъ уже, что въ болѣе цивилизованныхъ странахъ число помѣшанныхъ сильно увеличивается съ каждымъ годомъ.

Въ видѣ утѣшенія, впрочемъ, Ломброзо замѣчаетъ, что многіе помѣшанные явились не слѣдствіемъ цивилизаціи, а потому, что наука открыла такія формы душевной болѣзни, о которыхъ прежде не знали. Но цивилизація развила новыя формы душевныхъ болѣзней, которыхъ прежде почти совсѣмъ не существовало; такъ, напримѣръ, прогресивный параличъ встрѣчался такъ рѣдко, что самое имя его возникло лишь въ нашемъ вѣкѣ, а теперь составляетъ главный контингентъ душевно больныхъ богатыхъ классовъ, мыслителей и въ особенности военныхъ.

Замѣчено также, что въ послѣднее время всякое выдающееся, въ особенности трагическое происшествіе въ политической или общественной жизни непремѣнно порождаетъ нѣсколько помѣшательствъ [1]). Ко всему этому нужно прибавить постоянно возрастающее въ циливизованныхъ странахъ и прямо пропорціонально степени ихъ цивилизаціи число самоубійствъ.

Сами представители такъ называемаго интеллигентнаго общества не жалѣютъ красокъ для изображенія духовной пустоты нѣкоторыхъ класовъ этого общества. Вотъ какъ характеризовалъ обезпеченную интеллигенцію въ «Русской Мысли» одинъ изъ образованнѣйшихъ нашихъ юристовъ. «Какія дѣла, занятія, помыслы и цѣли наиболѣе и наилучше владѣютъ теперь большинствомъ нашей досужей интеллигенціи?» спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: Одинъ съ утра до ночи носится съ своими акціями по конторамъ и маклерамъ. Другой весь, съ душой и тѣломъ, ушелъ въ свой велосипедъ. Третій, день и ночь за картами. Четвертый завелъ такой кругъ знакомства, что на нуж-

---

Нужно замѣтить, что массовыя психическія и нервныя эпидеміи, охватывавшія цѣлыя округи, какъ напр. пляска св. Вита, истерическое кликушество и т. п. были извѣстны и въ средніе вѣка; но тогда онѣ носили именно эпидемическій характеръ, какъ чума, холера и проч. эпидеміи, и уже потому самому были явленіями лишь временными, а не постоянными.

ные и ненужные визиты у него уходитъ все утро, или вѣрнѣе, весь день, потому что возвратясь въ 8 час. вечера, онъ обѣдаетъ, а тамъ—въ клубъ, за желанный зеленый столъ. Пятый, единственный идеалъ котораго въ цирковомъ атлетизмѣ, развилъ свои мускулы до безобразія, больше мычитъ, чѣмъ говоритъ; глаза на выкатѣ, но обличаютъ лишь отсутствіе какихъ-либо думъ въ наголо выстриженной головѣ и какихъ-либо чувствъ въ колесомъ выпяченной груди. Онъ производитъ странное, жуткое и отталкивающее впечатлѣніе самодвижущагося, лишеннаго души и тѣла, чего-то вродѣ новомоднаго автомобиля съ смраднымъ керосиновымъ двигателемъ вмѣсто живыхъ коней, и такъ далѣе, и такъ далѣе». Подобныя пессимистическія характеристики значительной части нашей интеллигенціи даже въ такъ называемыхъ либеральныхъ журналахъ и газетахъ встрѣчаются на каждомъ шагу.

Всеобщая нервозность и усталость сказались въ интеллигентномъ обществѣ нашего вѣка двумя характерными явленіями: погонею за новыми, неизвѣданными еще ощущеніями, и пессимизмомъ. Тревожное, сумеречное настроеніе, овладѣвшее современнымъ интеллигентнымъ обществомъ, всеобщая неудовлетворенность всѣми устоями и всѣмъ строемъ жизни нашли себѣ исходъ въ какой-то бѣшеной и изступленной погонѣ за новыми, неизвѣданными еще ощущеніями, при чемъ нетолько не разбирается достоинство этихъ ощущеній, но даже чѣмъ безобразнѣе, отвратительнѣе и порочнѣе эти ощущенія, тѣмъ они кажутся острѣе и потому вожделѣннѣе. Это извращеніе нравственнаго чувства и нравственнаго вкуса, жажда сильныхъ, дѣйствующихъ на нервы впечатлѣній, возбуждающихъ, одуряющихъ и раздражающихъ, сказываются теперь рѣшительно во всемъ: въ метафизикѣ, литературѣ, искусствѣ, обыденной жизни, домашней обстановкѣ, одеждѣ и т. п. Получается иногда совсѣмъ клиническая картина, полная картина дома сумашедшихъ. Въ метафизикѣ, дошедшей до открытаго поклоненія дьяволу, полное разло-

женіе, царитъ Ницше съ его открытою проповѣдью зла, порока и преступленія [1]). Въ поэзіи и литературѣ—этомъ «зеркалѣ націй» послѣдняго времени—видное мѣсто заняли такъ называемые декаденты, символисты и т. п. сумашедшіе, размножающіеся какъ гады въ болотѣ. Отличительный характеръ этого рода литературы—полнѣйшая безсмыслица, богохульство, прославленіе извращенныхъ половыхъ отношеній и изображеніе всякой мерзости, причемъ всѣ они стараются похитить другъ у друга пальму первенства въ этомъ отношеніи. И замѣчательно, что этого сорта произведенія—самыя модныя. Ими зачитываются, увлекаются, переводятъ на всѣ языки; въ нихъ стараются найти высшій, сокровенный, таинственный смыслъ, а въ ихъ авторахъ видятъ геніевъ и пророковъ. Въ живописи появились болѣзненные, невѣроятные и отвратительные сюжеты, неестественные тоны и краски, небрежные мазки,

---

[1]) Къ чему можетъ приводить и дѣйствительно иногда приводитъ на практикѣ, въ обыденныхъ житейскихъ отношеніяхъ, философія Метерлинка, Ницше и прочихъ новоявленныхъ и модныхъ учителей жизни человѣчества—это показываетъ въ одной изъ своихъ, нѣсколько грубоватыхъ, по обыкновенію, пародіяхъ, г. Буренинъ. Вотъ напр. его перифразъ морали, заключающійся въ сочиненіи Ницше: „Такъ говорилъ Заратустра“: Вамъ сказано: не похищай серебряную ложку за трапезой ближняго твоего. А я убѣжденъ: не только серебряную, но даже и мельхіоровую клади въ карманъ безъ колебаній, да если можно, присоедини къ оной также и вилку. Такъ говоритъ Заратустра. Если видишь, что ближній твой шатается, не поддерживай его, какъ тебѣ заповѣдано, а толкни, да по возможности въ болото. Если же онъ увязнетъ въ болото только по грудь, хвати его хорошенько по темени каблукомъ, чтобы увязъ совсѣмъ съ головой. Ибо это обманъ, что твердо стоящій на ногахъ человѣкъ долженъ помочь слабому, шатающемуся. Истина же въ томъ, что сильный человѣкъ долженъ наступать на темя слабому, дабы стать сверхъ-человѣкомъ. Такъ говоритъ Заратустра. Силенъ и радостенъ мерзавецъ въ семъ мірѣ и слабъ и печаленъ добродѣтельный. Ибо мерзость есть цѣлое, а добродѣтель есть всегда половина. Такъ говоритъ Заратустра. Двойное потребно человѣку: плевать на все и всѣхъ сверху и подкапываться подъ все и всѣхъ снизу. Такъ говоритъ Заратустра“ и т. д.

зеленыя и лиловыя человѣческія тѣла, мертвыя головы, уродливыя фигуры и позы и т. п. Въ музыкѣ—нарушеніе основныхъ законовъ гармоніи и контрапункта. Въ общественной жизни, особенно въ передовыхъ цивилизованныхъ странахъ—Америкѣ и Франціи—клубы тринадцати, клубы самоубійцъ, клубы, изображающіе собою адъ и могилу и т. д. и т. д. Мы никогда не кончили бы, если бы стали перечислять всѣ ненормальности и эксцентричности нашего времени.

Гонеггеръ въ своей «Всеобщей культурной исторіи новѣйшаго времени» такъ характеризуетъ наше время: «Нашъ безпокойный вѣкъ во всѣхъ сферахъ жизни какъ будто совершаетъ игру, подобную игрѣ турецкаго оркестра, сопровождающаго основные тоны свои пушечными выстрѣлами и пронзительнымъ свистомъ, какъ бы исходящимъ изъ парового котла. Нашъ вѣкъ какъ бы не принадлежитъ самому себѣ; мы заняты бѣшеною погоней за неизвѣстными цѣлями, и намъ трудно, очень трудно остановиться для того, чтобы сколько нибудь возстановить въ себѣ спокойствіе и сохранить внутреннее равновѣсіе. Поразительное безпокойство, приводящее въ движеніе всѣ силы нашего духа, проходитъ черезъ всѣ слои общества... Сегодня созидаемъ лишь для того, чтобы завтра же разрушить; живемъ какъ-то спѣшно, нетерпѣливо, лихорадочно, страдальчески... Въ поэзіи нашего времени всѣми вѣками и народами признанныя добродѣтели изображаются пороками, а пороки являются добродѣтелями... Въ общемъ современная литература полна отчаянія и скорби, всевозможныхъ сенсацій и аффектовъ. Глубоко обманется тотъ, кто будетъ искать теперь въ литературѣ мира и отдыха для души».

Наши предки могли бы съ полнымъ правомъ сказать о насъ:

Нашъ міръ имъ храмъ опустошенный;
Имъ баснословье наша быль,
И то, что пепелъ намъ священный,
Для нихъ одна нѣмая пыль.

Пессимизмъ—отчасти показной, дабы не отставать отъ моды, но весьма часто настоящій, непритворный, доводящій до полнаго, безпросвѣтнаго отчаянія — составляетъ другой характерный признакъ нашего времени. Буддизмъ сталъ самымъ моднымъ міросозерцаніемъ, Шопенгауэръ на ряду съ Ницше—самыми модными философами нашего вѣка. Всѣ лучшія литературныя произведенія нашего вѣка проникнуты пессимизмомъ. У насъ въ Россіи самый модный и распространенный поэтъ—Надсонъ (сочиненія котораго выдержали едва ли не больше изданій, нежели сочиненія Пушкина), одинъ изъ самыхъ распространенныхъ, по числу изданій, писателей—Гаршинъ... Въ пессимизмѣ сказался осадокъ жизни, отрава современной цивилизаціи

Какая тоска душитъ зачастую современнаго интеллигентнаго человѣка, показываетъ слѣдующее стихотвореніе Ришпена:

Гдѣ мнѣ жить, въ какой мракъ удалиться,
Отъ безумной тоски моей скрыться,
Какой тьмой эту тьму превозмочь,
Что мрачнѣе, чѣмъ ночь?
Умереть? Но въ какой же волнѣ,
Въ какой безднѣ, въ какой глубинѣ,
Потопить мнѣ безумное горе?
Оно глубже, чѣмъ море!
Отъ терзаній души какъ забыться?
Мѹки смерти не могутъ сравниться
Съ пожирающимъ этимъ огнемъ,
Съ ядомъ въ сердцѣ моемъ!

Что касается народнаго благосостоянія, то въ большихъ городахъ и промышленныхъ центрахъ оно въ высшей степени незавидно. Тамъ скопляются громадныя богатства, но они сосредоточиваются обыкновенно въ немногихъ рукахъ, а массы народныя по большей части страшно бѣдствуютъ; тогда какъ дѣйствительнымъ показателемъ народнаго благосостоянія служитъ по возможности *равномѣрное* распредѣленіе капиталовъ,—не роскошь небольшаго числа, но

существенныя и разумныя удобства большинства. «На практикѣ, говоритъ англійскій писатель В. С. Лилли въ своей книгѣ «О шибболетахъ», именно въ странахъ, почитаемыхъ «бѣдными», всего менѣе нищенства. Одинъ изъ бѣднѣйшихъ департаментовъ Франціи Крезъ. Въ немъ нѣтъ богатствъ, потому что нѣтъ фабрикъ. Но въ немъ приходится только одинъ нищій на 300 человѣкъ жителей. Съ другой стороны, въ департаментѣ Норъ, гдѣ развита мануфактурная промышленность и который считается однимъ изъ богатѣйшихъ во Франціи, на каждые 70 человѣкъ приходится одинъ нищій. Въ департаментѣ Дордоньѣ, не фабричномъ, приходится одинъ нищій на 380 человѣкъ жителей; въ фабричномъ департаментѣ Роны изъ 10 человѣкъ одинъ нищій». Въ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ провинціяхъ Европы, какъ, напр., Тиролѣ, нѣкоторыхъ частяхъ Австріи, Италіи и Баваріи, считаемыхъ бѣдными, на самомъ дѣлѣ нѣтъ бѣдности, потому что нѣтъ нищихъ. И наоборотъ, въ богатыхъ земляхъ и городахъ, центрахъ цивилизаціи, и притомъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ они богаче, рядомъ съ колоссальными богатствами и съ сказочною роскошью, царитъ такая умопомрачающая нищета, что когда печать, отчеты различныхъ благотворительныхъ коммиссій и обществъ или перо романиста приподнимутъ уголокъ завѣсы, скрывающей эту нищету отъ нашихъ взоровъ, кровь стынетъ въ жилахъ и волосы становятся дыбомъ. «Никогда въ нашей исторіи, писалъ недавно Чемберленъ, нужда бѣдняковъ не была сильнѣе и условія ихъ вседневной жизни безотраднѣе и унизительнѣе. Громадныя богатства, созданныя новѣйшимъ прогрессомъ, разошлись по карманамъ; богатства единичныхъ лицъ превзошли всѣ мечты жадности... но огромное большинство тѣхъ, кто «труждаются и прядутъ», не пріобрѣли пропорціональныхъ выгодъ изъ того благосостоянія, которое создалось при ихъ содѣйствіи». Въ Лондонѣ, Парижѣ и другихъ большихъ городахъ цѣлыя сотни тысячъ людей ходятъ по улицамъ въ тщетныхъ поискахъ работы, хлѣба

и ночлега. Къ этому числу нужно присоединить, можетъ быть, еще такое же число тѣхъ, которые не ходятъ лишь потому, что слишкомъ малы, чтобы употреблять въ дѣло свои ноги. Въ этихъ городахъ, почти рядомъ съ великолѣпными улицами, застроенными раззолоченными дворцами, есть «отверженные» кварталы, гдѣ, кажется, адъ царитъ во всей своей силѣ, гдѣ люди живутъ въ логовищахъ, куда не проникаетъ дневной свѣтъ, въ ужасныхъ зловонныхъ ямахъ, гдѣ буквально умираютъ съ голоду, и гдѣ вмѣстѣ съ нищетою царитъ порокъ во всѣхъ видахъ, гдѣ люди утратили образъ и подобіе Божіе. Тамъ есть мѣста, куда боится проникать даже полиція, гдѣ не только сохранились доселѣ, но еще и значительно преуспѣли въ своей преступной организаціи, «улицы чудесъ», описанныя Викторомъ Гюго, гдѣ ужасы обратной стороны цивилизаціи превосходятъ самую пылкую фантазію. Картинки изъ жизни окраинъ большихъ городовъ способны лишить сколько-нибудь чувствующаго человѣка сна и аппетита. «Если бы вы знали все, что тамъ происходитъ, говоритъ (у Гюго) Гуинплинъ въ палатѣ лордовъ,—ни одинъ изъ васъ не могъ бы быть счастливъ. Есть въ мірѣ люди, которые дышатъ смертью; есть дѣвочки, которыхъ нужда бросаетъ въ развратъ съ восьми лѣтъ, и для которыхъ старость наступаетъ въ двадцать. Есть хижины, въ которыхъ не только нѣтъ кроватей, но нѣтъ и пола; родители роютъ ямы въ землѣ и кладутъ туда спать своихъ малютокъ, которыя попадаютъ такимъ образомъ съ самаго рожденія, вмѣсто колыбели, прямо въ могилу». Почти та же мысль выражается и въ одномъ изъ послѣднихъ стихотвореній автора «Ткачей» Гауптмана. Въ первыхъ книжкахъ *Русской Мысли* за 1898 годъ печатались очерки изъ жизни отверженнаго Лондона Артура Мориссона «Дитя Яго». При чтеніи этихъ страшныхъ сценъ невольно думается: неужели все это можетъ быть въ наше время—вѣкъ науки, прогресса и цивилизаціи—да и можно ли послѣ этого и говорить-то о цивилизаціи и не лучше ли

было бы для этихъ людей оставаться въ состояніи дикарей (Замѣчательно, что усилія придти на помощь нравственно и матеріально населенію этого квартала являются только со стороны *пастора*). Тѣмъ не менѣе очерки эти не являются новинкой: еще болѣе ужасныя сцены можно читать во многихъ публицистическихъ романахъ (и у того же Золя) [1]), въ различныхъ благотворительныхъ отчетахъ

---

[1]) Вотъ напр. картинки парижской нищеты изъ его романа „Римъ“: .. „И Пьеръ узналъ нищету преступную и ужасную, живя среди нея въ теченіе двухъ лѣтъ. Онъ началъ съ того, что подбиралъ несчастныхъ дѣтишекъ, покинутыхъ на произволъ судьбы, и которыхъ сосѣди стали приводить къ нему, какъ только пріютъ пріобрѣлъ извѣстность въ околодкѣ: мальчиковъ, дѣвочекъ, совсѣмъ маленькихъ, брошенныхъ посреди улицы, въ то время, какъ ихъ отцы и матери работали, пьянствовали или умирали. Часто отецъ исчезалъ, мать предавалась разврату, пьянство и распущенность входили въ домъ вмѣстѣ съ безработицей, и дѣти выбрасывались на улицу—младшія, изнывая отъ холода и голода, старшія уходя, чтобы увеличить собою ряды арміи порока и преступленія. Однажды вечеромъ онъ еле вытащилъ изъ-подъ колесъ ломовика двухъ маленькихъ мальчиковъ, двухъ братьевъ, которые не могли даже указать ему своего мѣстожительства, не зная сами, откуда они пришли. Въ другой разъ онъ возвратился домой съ маленькой дѣвочкой на рукахъ, маленькой бѣлокурой дѣвочкой, едва трехъ лѣтъ отъ роду, найденной на скамьѣ и горько рыдавшей, говоря, что мать покинула ее. Впослѣдствіи поневолѣ отъ этихъ жалкихъ и несчастныхъ птичекъ, безжалостно выброшенныхъ изъ гнѣзда, онъ перешелъ къ ихъ родителямъ. И тогда ему пришлось ознакомиться съ жалкими дырами, въ которыхъ они ютились, съ каждымъ днемъ все больше и больше проникая въ этотъ адъ, узнавая мало-по-малу этотъ возмутительный ужасъ, отъ котораго сердце сжималось тоскою и тяжелымъ сознаніемъ тщетности благотворительныхъ дѣлъ.

О, печальный городъ нищеты, бездонная пропасть паденія и страданій человѣческихъ; какія ужасныя вещи онъ видѣлъ въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, передѣлавшихъ всю его жизнь! Въ этомъ кварталѣ св Маргариты, въ самомъ сердцѣ дѣятельнаго и трудолюбиваго Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, онъ открылъ отвратительные дома, цѣлые переулки, наполненные темными лачугами, безъ воздуха, сырыми, какъ погреба, гдѣ гнило и умирало отравленное цѣлое населеніе несчастныхъ существъ. Во всю длину пошатывающейся лѣстницы ноги скользили по стекаю-

и газетахъ. А вотъ, напримѣръ, типъ квартиръ, въ которыхъ ютятся семьи петербургскихъ ремесленниковъ по

щимъ нечистотамъ. Въ каждомъ этажѣ можно было наткнуться на кучи мусора, плававшаго въ жидкой грязи. Въ окнахъ недоставало стеколъ, вѣтеръ со стономъ и шумомъ врывался въ нихъ, дождь лилъ потоками. Многіе спали на голомъ каменномъ полу, никогда не раздѣваясь. Ни мебели, ни бѣлья—жизнь животныхъ, удовлетворяющихъ свои потребности, гдѣ и какъ придется, по влеченію инстинкта и по волѣ случайной встрѣчи. Внутри жилищъ, въ повалку, копошились, безъ различія пола и возраста, люди, вернувшіеся къ животной жизни, за неимѣніемъ необходимаго, подъ давленіемъ такой нищеты, что другъ у друга зубами вырывали объѣдки, выметенные изъ-подъ стола богатыхъ. И самымъ худшимъ, самымъ тяжелымъ было это *паденіе человѣческаго созданія*. Это былъ уже не свободный дикарь, прогуливавшійся нагишомъ, охотившійся и пожиравшій свою добычу въ первобытныхъ лѣсахъ, а человѣкъ цивилизованный, доведенный до звѣрскаго состоянія, со всѣми пороками, со всѣми недостатками упадка, грязный, гадкій, безсильный посреди роскоши и утонченности города, величаемаго королемъ міра.. Почти всѣ, которыхъ наблюдалъ Пьеръ, умирали въ госпиталяхъ, другіе исчезали безъ вѣсти, унесенные грязными потоками улицы. Однимъ утромъ, въ отвратительномъ шалашѣ, на сгнившей соломѣ, Пьеръ нашелъ одного изъ нихъ умершимъ съ голоду; трупъ лежалъ тамъ уже больше недѣли, съ лицомъ, на половину съѣденнымъ крысами.

Но однажды вечеромъ картина бѣдствій, представившаяся его глазамъ, довела его почти до отчаянія. Зимой страданія этихъ несчастныхъ становятся особенно жестокими: хижины не отапливаются, снѣгъ безпрепятственно падаетъ сквозь разсѣлины. Сена покрывается льдомъ, земля замерзаетъ, нѣкоторыя отрасли промышленности вынуждены пріостановить работы. Въ кварталахъ, обитаемыхъ тряпичниками, предающимися невольному отдыху, кучки ребятишекъ бѣгаютъ необутыя, еле прикрытыя лохмотьями, голодныя, жестоко кашляющія и падающія добычаю чахотки, уносящей ихъ десятками. Пьеръ находилъ цѣлыя семейства женщинъ съ пятью или шестью дѣтьми, скучившихся вмѣстѣ, чтобы было теплѣе, и не ѣвшихъ уже въ теченіе трехъ дней. И вотъ, въ этотъ ужасный вечеръ, онъ первымъ проникъ въ мрачный домъ, въ которомъ только что покончила съ собой женщина вмѣстѣ со своими пятью дѣтьми, подъ давленіемъ голода и нужды: „несчастное происшествіе“, которое вызоветъ на нѣсколько часовъ дрожь ужаса во всемъ Парижѣ (дѣйствительный фактъ замѣчаетъ Золя; заурядный фактъ, прибавимъ мы отъ себя, и притомъ не только въ Парижѣ). Ни мебели, ни

весьма недавнему описанію (фельетониста «Новаго Времени»): «Гнусная конура въ $2^1/_2$ квадр. сажени, гнилая,

---

бѣлья—все, должно быть, было продано, вещь за вещью, сосѣднему старьевщику. Въ комнатѣ не было ничего, кромѣ жаровни, въ которой еще дымился уголь. На матрасѣ, въ которомъ виднѣлись одни только остатки соломы, лежала мать, свалившаяся мертвою, очевидно, въ моментъ, когда она кормила грудью свое послѣднее трехмѣсячное дитя; небольшая капля еще дрожала на груди, въ которой какъ бы тянулись застывшія губки умиравшаго ребенка. Двѣ дѣвочки трехъ и пяти лѣтъ, двѣ красивыя бѣлокурыя дѣвочки, спали также вѣчнымъ сномъ, рядомъ, другъ возлѣ друга, а изъ двухъ старшихъ мальчиковъ одинъ испустилъ послѣдній вздохъ, прижавшись къ стѣнѣ и сжавъ голову обѣими руками, тогда какъ другой умеръ, лежа на землѣ, очевидно, отбиваясь отъ смерти, какъ бы стараясь подползти на колѣняхъ къ окну, чтобы открыть его и тѣмъ спасти себя отъ удушья. Сбѣжавшіеся сосѣди разсказывали между тѣмъ банальную, ужасную исторію: постепенное разореніе, мужъ лишился работы,—быть можетъ, сталъ предаваться пьянству, домохозяинъ не хотѣлъ больше дожидаться, грозя выбросить всю семью на улицу, и мать, потерявъ голову, рѣшилась покончить съ собою, вмѣстѣ со всѣми своими дѣтьми, тогда какъ отецъ, выйдя утромъ изъ дому, тщетно бѣгалъ по городу въ поискахъ за какой нибудь работой. Когда полицейскій коммиссаръ явился на мѣсто происшествія, несчастный отецъ возвратился домой, и когда онъ увидѣлъ, когда онъ понялъ, что произошло, онъ упалъ, какъ подстрѣленный звѣрь, и сталъ ревѣть какимъ-то непрерывнымъ стономъ, испуская такіе душу раздирающіе крики, что вся улица, охваченная ужасомъ, рыдала вмѣстѣ съ нимъ.

Этотъ ужасный стонъ людей, подкошенныхъ заброшенностью и голодомъ, безпрерывно раздавался въ ушахъ Пьера, выворачивая ему всю душу, и въ этотъ вечеръ онъ не могъ обѣдать, не могъ уснуть. Возможенъ ли подобный ужасъ, такое полное лишеніе, такая черная нищета, приводящая къ смерти, въ этомъ большомъ Парижѣ, переполненномъ богатствами, пресытившимся всякими наслажденіями и выбрасывающемъ цѣлые милліоны на всякаго рода удовольствія? Какъ! съ одной стороны — такія огромныя богатства, удовлетворяющія самые ничтожные и безполезные капризы, существованія, переполненные всякаго рода счастьемъ, и съ другой — возмутительная нищета, недостатокъ даже въ насущномъ хлѣбѣ, никакой надежды, матери, убивающія себя вмѣстѣ со своими грудными дѣтьми, которымъ онѣ не могутъ дать ничего кромѣ крови своей истощенной груди!“.. („Римъ, изд. газ. *Новости*. (С.-Петерб., 1896 г.), стр. 10—15).

промозглая, на $1^1/_2$ аршина въ землѣ, безъ свѣта, потому что «слѣпыя» окна упираются—въ полуторааршинномъ же разстояніи—въ высочайшую стѣну». Подобныя квартиры нерѣдкость и въ Москвѣ.—Нѣтъ денегъ и работы, и нѣтъ болѣе порядочнаго человѣка—онъ становится неприличнымъ «лохмотникомъ».

На ряду съ ужасною нищетой во всѣхъ большихъ городахъ процвѣтаетъ и множится профессіональное нищенство, которое по большей части не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительною нищетой и которое, при помощи тысячи искусныхъ и разнообразнѣйшихъ мошенническихъ продѣлокъ, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ и въ весьма обширныхъ размѣрахъ эксплоатируетъ общественную благотворительность. Какую искусную и стройную организацію вырабатываетъ профессіональное нищество въ большихъ городахъ, напримѣръ, въ Парижѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ появившаяся недавно книга секретаря-редактора во французской палатѣ депутатовъ Людовика Поліана «Нищенствующій Парижъ»[1]). Авторъ этой книги, спеціально изучившій парижское профессіональное нищенство, для чего онъ ходилъ долгое время въ костюмѣ нищаго, сообщаетъ на этотъ счетъ весьма любопытныя свѣдѣнія. Напримѣръ, у парижскихъ нищихъ существуютъ два адресъ-календаря мѣстныхъ благотворителей: «petit jeu» и «grand jeu». «Le petit jeu» стоитъ три франка: въ немъ находятся имена и адреса нѣсколькихъ сотенъ людей благотворительныхъ. «Le grand jeu» стоитъ шесть франковъ; онъ, конечно, полнѣе и содержитъ въ себѣ не только большее число адресовъ, но даже противъ каждаго имени приложена небольшая біографія. Въ послѣдней ничего не пропущено: ни родъ занятія благотворительнаго лица, ни часъ, въ который можно явиться къ нему, ни

---

[1]) Людовикъ Поліанъ „Нищенствующій Парижъ, дѣйствительные и притворные нищіе". Переводъ Шрейера, СПБ., 1899. Есть и другой переводъ.

его вѣроисповѣданіе, ни политическія воззрѣнія до привычекъ включительно». И вотъ сообразно указаніямъ этой драгоцѣнной книги, нищій благотворителю-клерикалу рекомендуется какъ человѣкъ набожный, республиканцу-радикалу, наоборотъ, какъ жертва патеровъ; у иного нужно просить только одежды или только бѣлья для новорожденнаго или молока и т. д, и т. д. Здѣсь существуютъ цѣлыя школы и профессоры нищенскаго искуства; картонные животы, горбы и другія чудеса, до которыхъ еще не додумались нищіе Виктора Гюго. Эксплоатируются и миссіоперы, крестящіе не крещенныхъ дѣтей въ парижскихъ трущобахъ; такъ какъ при крещеніи дается нѣкоторое пособіе и одежда, то иные крестятъ дѣтей по нѣскольку разъ. Одна тряпичница, на вопросъ автора, въ католической или протестантской церкви крещены ея дѣти, сначали замялась было, но потомъ непринужденнымъ тономъ отвѣтила:

— «Сказать вамъ правду—мой ребенокъ крещенъ 12 разъ по протестантскому обряду и 14 разъ по католическому. —Зима была очень сурова, сударь, и деньги были нужны, а каждые крестины приносили мнѣ 20 грошей» —прибавила она въ видѣ поясненія.

Впрочемъ и нашъ московскій Уайтчепель—Хитровъ рынокъ—мало отсталъ отъ Парижа. Вотъ портреты хитровцевъ и описанія ихъ жилищъ по донесеніямъ городскихъ санитарныхъ коммиссій: «Покрытый рубищемъ, т.-е. тѣми дырами, совокупность которыхъ называется одеждой, со всклоченными волосами, съ синимъ носомъ, желтымъ испитымъ лицомъ и ввалившимися мутными глазами, съ запахомъ сивухи изо рта»... «Море лохмотьевъ разныхъ оттѣнковъ и степени изношенности, никогда не снимаемыхъ и пропитанныхъ особымъ специфическимъ запахомъ... Неопредѣленность костюма часто лишаетъ возможности опредѣлить полъ его обладателя—вотъ обычная внѣшность хитровца»... «Помѣщеніе съ просторомъ меньше, чѣмъ въ могилѣ, удушливый воздухъ, пропитанный ядомъ гнилыхъ

и пьяныхъ испареній, гибельная моральная обстановка, драки, пьянство, развратъ, преступленія и одна дорога торная—въ тюрьму или больницу съ неизлѣчимыми болѣзнями. И среди этого ада дѣти, впитывающія какъ губки грѣхи своихъ родителей и язвы среды... Какъ магнитъ притягиваетъ къ себѣ Хитровъ рынокъ здоровыя силы и подчиняетъ ихъ своему закону безысходнаго паденія»...

Для полноты картины упомянемъ еще объ одной изъ современныхъ язвъ—звѣрскомъ истребленіи дѣтей, въ особенности незаконнорожденныхъ. Въ прославленной своею цивилизаціей Англіи въ особенности процвѣтаютъ «фабрики ангеловъ», гдѣ происходитъ на глазахъ всѣхъ настоящее избіеніе младенцевъ, конечно, не массовое, а медленное, гдѣ тысячи несчастныхъ малютокъ морятъ голодною смертью или доводятъ до смерти постоянными и систематическими истязаніями. Что можетъ быть ужаснѣе этого! Увы! Фабрики ангеловъ, Скублинскія и тѣ, кто подъ видомъ воспитанія такъ называемыхъ «питомцевъ», морятъ этихъ несчастныхъ дѣтей (хотя, конечно, не всѣ), появились и у насъ—вблизи нашихъ центровъ цивилизаціи. Однако довольно, такъ какъ объ этомъ предметѣ можно никогда не кончить. Громадный перевѣсъ предложенія рабочихъ рукъ предъ спросомъ на нихъ, ожесточенная конкуренція, безработица, тщетная борьба труда съ капиталомъ, угнетеніе и возрастающая нищета рабочихъ классовъ, стачки и бунты рабочихъ, страшное переутомленіе и нервозность («нашъ нервный вѣкъ»), сумасшествія и самоубійства, увеличивающіяся въ геометрической прогрессіи, все возврастающая дороговизна жизни, скученность и дурныя условія жизни въ городахъ, испорченность и развратъ, царящія среди фабричнаго населенія и городского пролетаріата и вносимыя ими въ народъ, всѣ дурныя стороны такъ называемой «трактирной цивилизаціи», увеличеніе пролетаріата и «отбросовъ населенія», безпощадный эгоизмъ, матеріализмъ и лицемѣріе въ жизни,

динамитъ и кинжалъ въ роли рѣшителей общественныхъ вопросовъ и проч. и проч.—вотъ общая картина обратной стороны современной цивилизаціи. Необходимо замѣтить еще, что всѣ удивительныя пріобрѣтенія, сдѣланныя наукою, всѣ блага и удобства жизни, доставляемыя ею—отъ телеграфа и телефона до знаменитаго врача и адвоката—все это доступно лишь богатымъ или по крайней мѣрѣ состоятельнымъ классамъ и притомъ тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ болѣе имѣется матеріальныхъ средствъ.

«Откуда взялъ Данте матеріалъ для своего ада, какъ не изъ нашей дѣйствительной жизни—говоритъ Шопенгауэръ. Тѣмъ не менѣе получился весьма изрядный адъ»[1]). Если бы Дантъ жилъ въ наше время, то его адъ вышелъ бы еще изряднѣе.

Цивилизація наша, несмотря на свой наружный блескъ, видимо клонится къ упадку, и въ ней замѣтны уже симптомы разложенія. Несмотря на весь техническій промышленный и научный прогрессъ, люди все-таки въ общемъ дичаютъ, особенно въ передовомъ пунктѣ современной цивилизаціи—Америкѣ, и вырождаются, на что неоднократно указывалось многими выдающимися писателями. Блестящій примѣръ этого представляютъ современные англичане вырѣзывающіе бифштексы изъ живыхъ быковъ.

Наша цивилизованная дѣйствительность настолько безотрадна, что въ послѣднее время, съ легкой руки Беллами и Рише, появляется множество публицистическихъ романовъ, гдѣ фантазія романистовъ съ великою охотою изображаетъ *будущій*, двадцатый вѣкъ,—разумѣется, въ видѣ золотого вѣка, чуждаго всѣхъ соціальныхъ золъ и непорядковъ нынѣшняго. Герои этихъ романовъ, вспоминая о нашемъ, для нихъ прошедшемъ, вѣкѣ, относятся къ нему обыкновенно съ безпощаднымъ осужденіемъ. Впрочемъ, и въ этомъ хорѣ хвалителей будущаго уже появились диссо-

---

[1]) „Міръ какъ воля и представленіе“, переводъ Фета, изданіе 2-е. (Москва, 1888), стр. 396.

нансы: нѣкоторые романы изображаютъ, напротивъ, въ будущемъ *крушеніе* цивилизаціи и, вмѣсто золотого вѣка, рисуютъ мрачную картину всеобщаго взаимнаго истребленія.

Въ борьбѣ съ болѣзнями, несмотря на всѣ открытія, особенно въ области хирургіи, бактеріологіи и антисептики, сдѣланныя современною медициной, человѣчество и теперь часто остается безпомощнымъ. Разсказываютъ, что въ древнемъ Египтѣ, за тысячи лѣтъ до Рождества Христова, съ успѣхомъ лѣчили многія болѣзни, которыя нынѣ считаются неизлѣчимыми. Въ Индіи знаніе тайнъ природы среди мѣстныхъ жителей настолько распространено и даетъ такіе удивительные результаты, что ее называютъ страной чудесъ. И у насъ въ Россіи—во многихъ мѣстностяхъ, въ особенности на Кавказѣ, народу извѣстны радикальныя средства отъ многихъ болѣзней, считающихся въ наукѣ неизлѣчимыми [1]).—Съ другой стороны, нѣкоторыя научныя открытія являются лишь мнимыми. Такимъ, напр., оказался такъ нашумѣвшій туберкулинъ Коха, такимъ въ значительной степени приходится считать и противодифтеритную сыворотку. Какую поистинѣ страшную картину представили бы собою человѣческія болѣзни, собранныя вмѣстѣ! Чтобы составить объ этомъ хоть нѣкоторое понятіе, дадимъ здѣсь слово самому г. Золя. Вотъ въ какой яркой картинѣ изображаетъ онъ въ своемъ «Лурдѣ» поѣздъ больныхъ:

---

[1]) Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія жилъ въ ряжскомъ уѣздѣ рязанской губерніи помѣщикъ Левашовъ, котораго еще помнятъ тамошніе старожилы и о которомъ были замѣтки и въ газетахъ. Этотъ Левашовъ, при помощи какого-то имъ изобрѣтеннаго питья, безусловно излѣчивалъ водобоязнь (правда, только у людей), если только больному можно было еще разжать ротъ. Свою микстуру онъ приготовлялъ изъ какихъ-то луковицъ, которыя вырывалъ на лугахъ, при помощи своей собаки. Къ несчастію, Левашовъ умеръ, не успѣвъ передать никому своего секрета, и онъ совершенно утерянъ. Примѣръ этотъ далеко не единственный.

«Страшная процессія, это сборище человѣческихъ страданій, спускалась по склону въ яркомъ сіяніи лучезарнаго утра. И безконечно тянулся этотъ хвостъ ужасовъ. Тутъ не было никакого порядка; всѣ болѣзни перемѣшались, точно адъ выбросилъ изъ себя цѣлый огромный запасъ чудовищныхъ болѣзней, рѣдкихъ, ужасающихъ казусовъ, отъ которыхъ васъ бросаетъ въ дрожь. Тутъ какъ бы воскресали исчезнувшія болѣзни. У одной старухи оказывалась проказа, другая была покрыта лишаями, точно сгнившее въ тѣни дерево. Тутъ были головы, изъѣденныя экземой, лбы, покрытые яркой сыпью, рты и носы, до того обезображенные элефантіазисомъ, что они походили на свиныя рыла. Затѣмъ слѣдовали больные водянкой, распухшіе точно бурдюки, съ чудовищными животами, выступавшими изъ-подъ одѣялъ; съ носилокъ свѣшивались скрюченныя ревматизмомъ руки и разбухшія отъ отека ноги, обезображенныя, точно мѣшки съ тряпьемъ. Одна женщина, страдавшая водянкой головного мозга, сидя въ маленькой тележкѣ, качала огромной, черезчуръ тяжелой головой, откидывавшейся назадъ. Какая-то высокая дѣвушка, страдавшая пляскою св. Витта, непрерывно подергивалась всѣми членами, приплясывала, не переставая, съ гримасами, отъ которыхъ подергивалась вся лѣвая половина ея лица. Сзади нея другая, помоложе, точно лаяла, испуская жалобный, животный стонъ всякій разъ, какъ болѣзненный тикъ ея лица искривлялъ ея ротъ, рѣзко выдвигавшійся впередъ. Потомъ слѣдовали чахоточныя, дрожащія въ лихорадкѣ, изнуренныя диссентеріей, худыя, какъ скелеты, съ мертвенно-блѣдной кожей, цвѣта земли, въ которой онѣ скоро будутъ спать; одна изъ нихъ, вся бѣлая, обладала такими огненными глазами, что походила на мертвую голову, внутри которой кто-то зажегъ факелъ. Затѣмъ слѣдовали всевозможныя искривленія и безобразія, искривленныя таліи, вывернутыя руки, кривыя шеи, несчастныя, изломанныя и истерзанныя существа, застывшія въ неподвижныхъ позахъ трагическихъ паяцовъ; особенно бросалась

въ глаза одна изъ нихъ, правая кисть руки которой закинулась за бедра, тогда какъ лѣвая щека какъ бы приросла къ лѣвому плечу. Дальше шли несчастныя дѣвушки въ рахитизмѣ, съ восковыми лицами и худыми затылками, вѣчно гноящимися; совершенно желтыя женщины лежали въ болѣзненномъ столбнякѣ, свойственномъ горемыкамъ, страдающимъ груднымъ ракомъ; другія, лежа и поднявши къ небу печальные глаза, какъ бы прислушивались къ толчкамъ, производимымъ въ ихъ организмѣ огромными, величиною съ дѣтскую голову, нарывами. И этому не было конца: онѣ все прибывали, одна ужаснѣе другой, каждая своимъ видомъ пропзводившая содроганіе. У одной двадцатилѣтней дѣвушки голова была плоска, какъ у жабы, а съ шеи свѣшивался такой огромный зобъ, что опускался до таліи, точно нагрудникъ передника. Дальше шла слѣпая, держа прямо и высоко свою блѣдную, какъ мраморъ, голову, въ которой выступали двѣ воспаленныя кровавыя глазныя орбиты, двѣ раны, постоянно сочившіяся гноемъ. Какая то сумасшедшая старуха-идіотка, съ изъѣденнымъ сифилисомъ носомъ, смѣялась ужасающимъ смѣхомъ, открывая черный, совершенно беззубый ротъ. И вдругъ какая то эпилептичка впала въ конвульсіи, стала брызгать пѣною на своихъ носилкахъ»...[1]).

Къ этой картинѣ, которая, несмотря на весь свой ужасъ, все-таки далеко не полна, прибавимъ только, что значительная часть этихъ и другихъ, здѣсь не названныхъ, въ особенности нервныхъ и желудочныхъ, горловыхъ, легочныхъ, (которыя въ цивилизованныхъ странахъ уносятъ въ могилу седьмую часть населенія) и проч. болѣзней составляютъ естественное слѣдствіе дурныхъ сторонъ современной цивилизаціи и мало были знакомы нашимъ предкамъ. У всѣхъ этихъ больныхъ надежда только на Бога, потому что наука безсильна и отвернулась отъ нихъ.

---

[1]) „Лурдъ“, переводъ Загуляевой (Спб. 1894 г.), стр. 120—122.

V.

Вмѣстѣ съ наукой, факторами, долженствующими вернуть на землю золотой вѣкъ, Золя считаетъ трудъ и справедливость. Прекрасныя слова! Но не говоря уже о томъ, что и то и другое проповѣдуется Священнымъ Писаніемъ, развѣ они только теперь появились на землю? Почему же доселѣ они не могли обновить міра? А затѣмъ, что касается труда, то кажется, что никогда еще трудъ такъ не обезцѣнивался и такъ мало обезпечивалъ работниковъ, какъ теперь, вслѣдствіе громаднаго перепроизводства рабочихъ рукъ и головъ, какъ въ области физическаго, такъ и въ области умственнаго, интеллигентнаго труда. Отношеніе спроса къ предложенію въ настоящее время, по выраженію Лилля, напоминаетъ собою то, какъ разбойникъ, съ револьверомъ въ рукахъ *спрашиваетъ* у путешественника его кошелекъ, а безоружный путешественникъ *предлагаетъ* его разбойнику. А будущее, судя по всѣмъ даннымъ, сулитъ въ этомъ отношеніи не улучшеніе, а, напротивъ, еще бо́льшее ухудшеніе. Безработица, степень которой прямо пропорціональна культурности государствъ, хорошо извѣстна г. Золя. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ онъ въ «Римѣ»:

«Всему виною безработица: она не только опустошаетъ всѣ тощія копилки, но подтачиваетъ бодрость и пріучаетъ къ лѣности. Цѣлыми недѣлями мастерскія остаются пустыми, мускулы рукъ становятся мягкими. Въ этомъ Парижѣ, такъ лихорадочно ищущемъ жизни и движенія, невозможно найти хотя самую пустяшную работу. Вечеромъ мужъ возвращается домой съ глазами, полными слезъ, и съ пустыми руками, которыя онъ предлагалъ повсюду, но которыхъ не взяли даже для подметанія улицъ, потому что и для этого нужна протекція. Не чудовищно ли, что въ этомъ огромномъ городѣ, гдѣ ворочаютъ милліонами, гдѣ блещетъ роскошь, человѣкъ ищетъ работы, чтобы обрѣсти

кусокъ хлѣба, и не находитъ ея—и остается голоднымъ? Жена остается безъ ѣды, дѣти плачутъ отъ голода. И вотъ наступаетъ черная нищета, озвѣрѣніе, зарождается чувство возмущенія, негодованія, всѣ соціальныя связи разрываются подъ давленіемъ жестокой несправедливости, осуждающей безсильныхъ на голодную смерть. И вотъ одряхлѣвшій работникъ, истощившійся въ теченіе пятидесяти лѣтъ на тяжкой работѣ, не имѣя даже возможности припрятать нѣсколько грошей на черный день, остается безъ крова, безъ семьи. Гдѣ преклонитъ онъ свою голову въ часъ смерти? Неужто ничего больше не остается, какъ добить его ударомъ молота, какъ взбѣсившееся животное, въ тотъ день, когда не имѣя работы, онъ не имѣетъ, что ѣсть? *И въ каждой семьѣ все та же печальная исторія*». Тѣ, кому покажется этого недостаточно, пусть прочтутъ, напр., романъ того же Золя «Germinal», не говоря уже о массѣ другихъ подобныхъ произведеній. А вотъ какъ обезпечиваетъ теперь трудъ старость рабочаго. «Намъ приходится констатировать печальный фактъ,—говорится въ отчетѣ спеціальной комиссіи, назначенной англійскимъ парламентомъ для изслѣдованія вопроса о пенсіи для престарѣлыхъ:—большая часть рабочихъ въ старости вынуждена прибѣгать къ общественной помощи». Чарльзъ Бутсъ приводитъ между прочимъ нѣсколько цифръ, полученныхъ имъ при осмотрѣ рабочаго дома въ Степней (восточный Лондонъ). Изъ 297-ми бѣдняковъ старше 60-ти лѣтъ—70 были приведены въ рабочій домъ пьянствомъ, пороками, потерею состоянія или катастрофой въ личной жизни; 22 были слабоумные, а 205—старые рабочіе. А вотъ еще нѣсколько фактовъ, добытыхъ спеціальнымъ корреспондентомъ *Daily Chronicle*. Паровая машина предъявляетъ все большія и большія требованія къ тому, кто управляетъ ею. Она отнимаетъ у него все большее и большее количество силы и энергіи. Въ деревнѣ человѣкъ можетъ еще ходить за плугомъ или же боронить, когда у него уже побѣлѣли волосы; отъ этого жатва не явится позже. Но

не такъ обстоитъ дѣло на фабрикѣ, напр., въ ланкаширскихъ прядильняхъ, гдѣ челноки летаютъ какъ молніи, или въ желѣзнодорожной мастерской, гдѣ разомъ составляются двѣнадцать локомотивовъ; не такъ обстоитъ дѣло въ докахъ, гдѣ нужно спѣшить съ нагрузкой, чтобы поспѣть къ отливу. Тамъ нѣтъ мѣста для тѣхъ, которымъ время выбѣлило волосы. Общество получаетъ, по словамъ Чарльза Бутса, огромную выгоду отъ этого страшнаго напряженія силъ, оно имѣетъ дешевыя средства передвиженія, дешевый уголь, посуду, полотно и книги; но дорого расплачивается за все это тотъ, чьи молодые годы прошли на фабрикѣ, въ шахтѣ или же въ докахъ. Года отнимаютъ у него энергію и возможность соперничать съ болѣе молодыми поколѣніями. Старость приходитъ очень рано, иногда уже въ сорокъ или же въ сорокъ пять лѣтъ. Тогда заработная плата быстро падаетъ, а затѣмъ приходится выбыть совсѣмъ изъ строя индустріальной арміи. Въ деревнѣ опытность и знаніе даютъ старому крестьянину преимущество передъ молодыми; въ современной индустріи опытность и навыкъ составляютъ скорѣе отрицательное достоинство для стараго рабочаго. И вотъ почему. Новыя машины требуютъ быстраго приспособленія къ нимъ. Старый, опытный рабочій,—или «рука», по фабричной терминологіи,—цѣнится неизмѣримо ниже въ этомъ отношеніи, чѣмъ молодой, не знающій ничего и быстро привыкающій къ новой машинѣ. То же самое начинается уже и у насъ въ Россіи. Машина гонитъ опытныхъ мастеровъ въ рабочій домъ. На дняхъ газеты сообщали о слѣдующемъ случаѣ. На улицѣ въ Лондонѣ былъ поднятъ умершій отъ голода старикъ. Когда-то онъ изготовлялъ маятники для хронометровъ. Для работы требовались большой навыкъ, замѣчательная точность и трудолюбіе. Старикъ зарабатывалъ прекрасно. Но вотъ случилась катастрофа: придумали машину, выдѣлывающую въ минуту десятки такихъ маятниковъ, надъ которыми прежде нужно было сидѣть днями. Мастеръ разомъ очутился на улицѣ.

По англійскому выраженію, старыхъ рабочихъ «выпалываютъ», какъ сорную траву. Нѣкоторое время рабочій скрываетъ старость краской для волосъ и фальшивыми зубами; но скоро зоркій глазъ надсмотрщика замѣчаетъ обманъ, «сорная трава» вырывается и выбрасывается на улицу и въ рабочій домъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности старость наступаетъ быстро: гончары, шеффильдскіе точильщики, бельфастскіе бѣлильщики полотенъ, ланкаширскіе ткачи, рабочіе, занятые пудлингованіемъ желѣза,—старѣютъ уже въ сорокъ лѣтъ. Смертность между ними такъ велика, что шеффильдскіе точильщики и литейщики не принимаются въ дружественныя Общества. «Орденамъ» и «ложамъ» пришлось бы платить слишкомъ часто вдовамъ. Статистика показываетъ, что очень мало предпринимателей даютъ работу, хотя бы даже за пониженную плату, старикамъ. Вотъ положеніе труда въ настоящее время! Гдѣ же, повторяемъ, данныя, говорящія о томъ, что въ будущемъ не только положеніе труда будетъ обезпеченнѣе, но самъ трудъ обезпечитъ трудящагося? Повидимому, можно ожидать лишь противнаго. И въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ днемъ наука изобрѣтаетъ все новые и новые механическіе двигатели и машины, оставляя такимъ образомъ безъ работы все большее и большее количество рукъ. Машина вторглась теперь даже въ область типографской наборной работы, до послѣдняго времени требовавшей исключительно только рукъ.

Еще болѣе злоупотребляетъ Золя словомъ справедливость, отъ которой онъ не отдѣляетъ свободы. Но развѣ можно говорить о справедливости въ современномъ мірѣ всеобщей борьбы и грызни? [1]) Золя говоритъ, что Парижъ уже кинулъ народамъ кличъ свободы. Подъ этими словами разумѣются «великіе освободительные принципы» французской революціи 1789 года. Но въ настоящее время,

---

[1]) Здѣсь и ниже мы говоримъ, конечно, лишь о „культурныхъ“ странахъ Запада.

когда исторія этой революціи значительно разработана, съ достаточностью выяснено, что это было одно изъ наиболѣе беззаконныхъ и кровавыхъ событій не только во Франціи, но и въ цѣломъ мірѣ. Недаромъ одна изъ безчисленныхъ жертвъ этой революціи (госпожа Роланъ) воскликнула на гильотинѣ: «о, свобода, свобода! сколько преступленій совершается во имя твое!» «Свобода—ничто, если она не организована какъ слѣдуетъ»—говоритъ и одинъ изъ героевъ «Парижа». И вообще въ наше время подъ этимъ громкимъ именемъ часто скрывается свобода эксплоатаціи и притѣсненія болѣе слабаго ближняго, а также свобода отъ всякихъ нравственныхъ обязательствъ, какъ, напр., свобода любви и проч. Замѣчательно, что за либеральные принципы ухватились теперь наиболѣе всѣхъ евреи—нація, живущая насчетъ соковъ другихъ народовъ. И гдѣ же плоды этой революціи?

Что насильемъ взято
— Проклято...

Иначе и быть не можетъ. Французская революція залила кровью Францію, а изъ революціи появился Наполеонъ и залилъ кровью всю Европу, а потомъ... потомъ все пошло, въ сущности, попрежнему. Теперешняя политическая исторія Франціи, увы, весьма слабо отражаетъ «освободительные принципы» и совсѣмъ не говоритъ о справедливости. Знаменитыя слова: свобода, равенство, братство превратились здѣсь въ простой звукъ. Современная намъ дѣйствительность совсѣмъ не представляетъ собою почвы, на которой справедливость могла бы расцвѣсти такъ пышно, какъ это предполагаетъ Золя.

Наконецъ, братство народовъ, о которомъ мечтаетъ Золя въ «Римѣ», повидимому, навсегда должно остаться лишь прекрасною мечтой. Напротивъ, въ настоящее время милитаризмъ душитъ цивилизованный міръ въ своихъ желѣзныхъ тискахъ такъ, какъ никогда еще, требуя все новыхъ и новыхъ вооруженій и жертвъ, окончательно под-

рывающихъ народное благосостояніе...— Въ качествѣ творческихъ факторовъ, которые должны создать новую цивилизацію, Золя выводитъ даже страсти, «поощряемыя и утилизируемыя». Но такая наивность способна въ лучшемъ случаѣ вызвать лишь улыбку. Когда же и гдѣ страсти бывали созидающимъ началомъ? Это начало не созидающее, а разлагающее.

Еще одно небольшое замѣчаніе. По мнѣнію Золя, свѣтъ будущей цивилизаціи выйдетъ изъ Парижа. Парижъ—это «котелъ, въ которомъ варится будущее человѣчество». Но почему же именно изъ Парижа? Почему, напримѣръ, не изъ Берлина, Лондона или Петербурга?

VI.

Во взаимныхъ отношеніяхъ религіи и науки есть и еще одна важная сторона—это нравственное значеніе той и другой для своихъ послѣдователей. Значеніе религіи для вѣрующаго не только громадно, но даже прямо безгранично. Религія даетъ ему совершенно готовое, цѣльное и полное міросозерцаніе и отвѣчаетъ опредѣленно на всѣ вопросы знанія, жизни и дѣятельности.

Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя—
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть.

Наука же, напротивъ, вооружая человѣка, не направляетъ его, освѣщаетъ ему міръ до послѣднихъ предѣловъ звѣздъ, но оставляетъ ночь въ его сердцѣ, осуждая на вѣчную неудовлетворенность, вѣчную неувѣренность, вѣчный внутренній разладъ, вѣчныя колебанія, доводящія нерѣдко до рокового исхода. Внутренній миръ, спокойствіе, душевная ясность и тихая радость—достояніе вѣрующаго человѣка. Скорби и несчастія, даже самыя глубокія и страшныя, не могутъ смутить его, такъ какъ религія учитъ его,

что онѣ необходимы въ земной жизни, ибо многими скорбями подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе, такъ какъ примѣръ терпѣнія страданій подалъ ему самъ Христосъ и всѣ святые. Богъ терпѣлъ и намъ велѣлъ — говоритъ народъ. Самъ Христосъ освятилъ страданія Своимъ примѣромъ. И человѣкъ долженъ выстрадать свое спасеніе: страданія очищаютъ и возвышаютъ его душу и дѣлаютъ его достойнымъ царствія небеснаго. «Страданія—лучшій будильникъ совѣсти»—говоритъ и г. Золя въ «Лурдѣ». И когда приближается неизбѣжный смертный часъ—что можетъ быть для вѣрующаго вожделѣннѣе и отраднѣе послѣдняго напутствія—предсмертной исповѣди и причастія? Какую необыкновенную отраду и утѣшеніе вливаетъ оно въ душу и сердце больного! Для примиреннаго съ Богомъ и своей совѣстью, въ надеждѣ на милосердіе Божіе, на молитвы близкихъ, въ крайнемъ случаѣ на молитвы Церкви какую долю ужаса теряетъ страшный образъ смерти!—даже и въ томъ случаѣ, если жизнь была для него сплошнымъ лишь крестнымъ путемъ, хотя бы онъ умиралъ въ самой страшной нищетѣ.—Возьмемъ теперь человѣка не имѣющаго вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ обдѣленнаго житейскими благами.

.... Скудны всѣ земныя силы:
Разсвирѣпѣетъ жизни зло—
И намъ, какъ на краю могилы,
Вдругъ станетъ страшно—тяжело.

Утѣшаютъ ли его въ его нищетѣ зрѣлище и сознаніе благъ и успѣховъ цивилизаціи, даютъ ли ему они душевный покой и довольство своимъ состояніемъ—всего лучше показываютъ стачки и бунты рабочихъ и страшныя преступленія анархистовъ. Если такой человѣкъ умираетъ отъ хроническаго голоданія или замерзаетъ отъ холода въ подвалѣ, на чердакѣ, гдѣ-нибудь подъ мостомъ или на оживленной улицѣ столицы, гдѣ изъ оконъ блестящихъ магазиновъ льются потоки электрическаго свѣта, а мимо мчатся взадъ и впередъ роскошныя кареты съ разряжен-

ными дамами и мужчинами—доставитъ ли ему въ эту горькую минуту отраду и примиреніе со смертью созерцаніе всѣхъ этихъ благъ цивилизаціи или размышленіе о ея будущихъ, еще большихъ успѣхахъ? Христосъ призываетъ къ Себѣ всѣхъ несчастныхъ, цивилизація же нерѣдко лишь отталкиваетъ ихъ.

Какъ это ни странно, но Золя, берясь рѣшать, и притомъ безапелляціонно, такой важный вопросъ, какъ вопросъ о религіи, обнаружилъ, что онъ имѣетъ весьма смутное и совершенно невѣрное представленіе о религіи. По его мнѣнію, религія есть нѣчто грубо-внѣшнее: человѣкъ требуетъ отъ Бога противоестественныхъ чудесъ и земного благополучія и за это платитъ Ему столь же странными обѣтами и поступками: обѣтами дѣвства, религіозными путешествіями, свѣчами и т. п. Но религія, напротивъ, есть нѣчто чистое внутреннее, духовное; она есть настроенность, есть отношеніе, общеніе между Творцомъ и Его твореніемъ, есть стремленіе конечнаго и смертнаго къ Безконечному и Вѣчному. Что религія не состоитъ только въ однихъ чудесахъ и не требуетъ постоянно для своего поддержанія видимыхъ чудесъ, это едва ли нужно и доказывать. Вѣра должна быть свободной, а не принудительной. Въ эпоху духовнаго младенчества человѣчества, въ эпоху великаго духовнаго переустройства міра, которое и совершилось только вслѣдствіе величайшаго чуда—воплощенія Сына Божія—были необходимы чрезвычайныя чудеса. И однако даже Христосъ не всегда употреблялъ чудо для доказательства Своей божественности. И теперь бываютъ они, но и передъ чудомъ склоняется не всякій умъ и покоряется не всякое сердце. Одному изъ знаменитыхъ раціоналистовъ прошлаго столѣтія приписываютъ слѣдующія характерныя слова: «если бы на парижской площади, среди бѣлаго дня и на глазахъ тысячной толпы воскресъ Христосъ и если бы всѣ повѣрили, я не повѣрилъ бы». Эти слова какъ нельзя лучше показываютъ, что нѣтъ и не можетъ быть такого чуда,

которое заставило бы увѣровать того, въ чьемъ сердцѣ нѣтъ мѣста для вѣры. Какое бы чудо ни случилось, раціоналисты постараются объяснить его какими-нибудь естественными причинами — внушеніемъ, самовнушеніемъ и т. п.; если же достовѣрность чуда не поддается всѣмъ подобнымъ объясненіямъ, они скажутъ, что здѣсь дѣйствуютъ какіе-то нами еще неизученные и намъ еще неизвѣстные законы или силы природы—и вопросъ конченъ. Вѣдь въ сущности такъ и поступаетъ въ «Лурдѣ» невѣрующій аббатъ Пьеръ Фроманъ. Когда сердце подсказываетъ ему, что сейчасъ произойдетъ чудесное исцѣленіе Маріи де-Герсэнь, услужливый авторъ сейчасъ же напоминаетъ ему предсказаніе одного врача, утверждавшаго, что исцѣленіе этой дѣвушки можетъ произойти мгновенно, подъ вліяніемъ сильнѣйшаго религіознаго возбужденія, совершенно естественнымъ путемъ. Мы отнюдь не входимъ здѣсь въ разсмотрѣніе дѣйствительности совершающихся въ Лурдѣ чудесъ; мы говоримъ только объ отношеніи невѣрующихъ къ чуду вообще. Невѣрующій не повѣритъ никакому чуду, какъ бы несомнѣнно и очевидно оно ни было (это доказываетъ съ наглядностью и исторія церкви)— чудо требуетъ для своего воспріятія чистаго сердца и вѣрующаго ума.

Наивность Золя въ дѣлѣ вѣры сказывается и въ частныхъ случаяхъ. Въ «Лурдѣ» у него выводится человѣкъ, котораго называютъ командоромъ и который проклинаетъ жизнь. Это понятно, потому что жизнь безъ вѣры и надежды для мыслящаго человѣка не всегда привлекательна. Этотъ командоръ даетъ поводъ невѣрующему Пьеру заключить, что и Лазарь, воскрешенный Христомъ, долженъ былъ снова встрѣтить жизнь бѣшенымъ протестомъ противъ своего воскрешенія. И онъ дѣйствительно придумываетъ и влагаетъ въ уста Лазаря цѣлую тираду въ этомъ духѣ. Конечно, можно, при желаніи фантазировать сколько угодно и на какую угодно тему, но на какомъ же все-таки основаніи Золя приписываетъ подобныя рѣчи Лазарю,

кстати сказать, не единственному человѣку, воскрешенному Христомъ.

Видя въ «Лурдѣ» горы свѣчъ, приготовленныхъ для богомольцевъ, Пьеръ думаетъ: «сколько хорошаго и добраго можно было бы сдѣлать на этотъ воскъ, безъ пользы тающій въ свѣчномъ дымѣ». Всякому, знакомому съ Евангеліемъ, при чтеніи этихъ строкъ, невольно вспоминается—«скорбь» Іуды Искаріотскаго о благовонномъ маслѣ, возлитомъ женщиной на ноги Спасителя. И почему именно свѣчи—символъ горящаго вѣрою сердца, символъ общенія съ Богомъ, доступный даже бѣдняку и, можетъ быть, иногда даже единственная его отрада—возбудили такое негодованіе г. Золя? Почему не возбуждаетъ его негодованія, напр., хоть та безумная игра, которая идетъ безпрерывно въ Монте-Карло—рулетка, поглощающая баснословныя суммы?—Точно также Золя, неизвѣстно почему, вообразилъ, что христіанство непремѣнно требуетъ отреченія отъ жизни, брака и семьи. Онъ заставляетъ (въ «Лурдѣ») Бернадетту—эту хрупкую и нѣжную натуру, дѣвственницу по всему складу ея природы, тосковать о томъ, что она не сдѣлалась женою и матерью, заимствуя почти буквально описаніе этой тоски съ описанія тоски Христа въ Геѳсиманскомъ саду въ «La Vie de Iesus» Ренана.—При всемъ томъ, Золя думаетъ, что онъ своимъ «Лурдомъ» совершенно убилъ христіанство. «Одной иллюзіей стало меньше»—говоритъ онъ въ концѣ «Лурда». Что же! не онъ первый, не онъ, конечно, и послѣдній думаетъ такъ. Еще въ концѣ прошлаго вѣка нѣкоторые раціоналисты думали, что двадцатый вѣкъ уже не застанетъ христіанства на землѣ. И однако самъ Золя своимъ «Лурдомъ» подтверждаетъ, что религіозное чувство въ концѣ девятнадцатаго столѣтія бьетъ ключемъ и что въ человѣчествѣ замѣчается поворотъ къ вѣрѣ.

Правда, Золя справедливо возмущается противъ эксплоатаціи религіознаго чувства и различныхъ злоупотребленій, которыя онъ видѣлъ въ Лурдѣ. Его справедливо воз-

мущаетъ продажа портсигаровъ и различныхъ бездѣлушекъ съ изображеніемъ Лурдской Богоматери, театральность католическаго богослуженія, изступленныя восклицанія, которыми патеры доводятъ богомольцевъ до религіозной экзальтаціи, двусмысленное поведеніе и неблаговидныя продѣлки нѣкоторыхъ патеровъ и монаховъ и т. п. Это—явленія обычныя въ католицизмѣ. Католицизмъ, выросшій на языческой почвѣ древняго Рима, внесъ нѣкоторую долю язычества и въ христіанство, оматеріализировалъ и въ значительной степени исказилъ его и заставилъ его служить земнымъ страстямъ и вожделѣніямъ. Папы и іезуиты обратили христіанство въ орудіе своего безграничнаго всевластія и во имя того же христіанства начали безпощадно преслѣдовать и душить всякія попытки уничтожить ихъ беззаконную власть, совершались ли эти попытки во имя вѣры или во имя разума—безразлично. Отсюда—пытки и костры инквизиціи, кровавыя религіозныя войны и побоища. Они низвели христіанство до клерикализма, впутали его не только въ борьбу политическихъ партій, но даже и въ биржевыя операціи. И надо отдать Золя справедливость: онъ вѣрно понялъ сущность католицизма, что и доказалъ своимъ «Римомъ». (Это, впрочемъ, и не представляло особаго труда, такъ какъ сущность католицизма давно и основательно выяснена въ полемической противъ него литературѣ). Но Золя, повидимому, совсѣмъ не знаетъ того, что католицизмъ никакимъ образомъ не составляетъ собою всего христіанства. Онъ не знаетъ или, можетъ быть, не хочетъ знать того, что католицизмъ есть лишь отколокъ отъ христіанства, отъ великой восточной православной церкви, которая сохранила высокій духовный характеръ христіанства, не обращала его въ орудіе человѣческихъ страстей и вожделѣній, не стремилась къ всевластію, не вмѣшивалась въ политику, не распространяла христіанства коварствомъ и насиліемъ, огнемъ и мечемъ, не учреждала у себя инквизиціи, (хотя преслѣдованія и казни отдѣльныхъ еретиковъ иногда бывали и въ

ней, но не знала она массовыхъ преслѣдованій и ужасовъ инквизиціи, не возводила ее въ принципъ), не преслѣдовала разума и науки. «Греческая церковь, говоритъ Дрэперъ въ своемъ сочиненіи «Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой», со времени возстановленія наукъ, никогда не становилась во враждебныя отношенія къ успѣхамъ знанія. Напротивъ, она всегда относилась къ нему благопріятно. Она сохраняла уваженіе къ истинѣ, съ какой бы стороны она ни приходила. Замѣчая противорѣчія между своими истолкованіями откровенной истины и открытіями науки, она всегда ожидала, что явятся удовлетворительныя объясненія и примиренія, и въ этомъ она не ошибалась». Католицизмъ—раціонализмъ и гордость, православіе—покорность и вѣрность завѣтамъ и преданіямъ древней церкви и глубокое смиреніе. Невольно припоминаются слова Тютчева православной Россіи:

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной!

VII.

Какъ ни почтенны сами по себѣ слова: наука, трудъ, справедливость, все же не въ нихъ только сила. Есть нѣчто, безъ чего и эти прекрасныя слова всегда будутъ казаться безжизненными, что одно только ихъ оживляетъ и оплодотворяетъ и что одно только есть въ полномъ смыслѣ слова творческое начало. Это—*любовь*, о которой, однако, г. Золя почему-то совсѣмъ умолчалъ, хотя, какъ увидимъ ниже, все, что дѣлаютъ хорошаго герои его собственнаго романа, дѣлаютъ только движимые любовью. А любовь есть сущность христіанства, смыслъ Евангелія.

Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. По тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою.

Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ.

Сіе заповѣдую вамъ, да любите другъ друга (Іоан XIV, 34. 35; XV, 12. 17).

Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ (1 Іоан 4, 16).

Посланія Апостола Іоанна Богослова есть одна проповѣдь любви. А вотъ похвала любви въ 13 главѣ перваго посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ:

Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдь звенящая, или кимвалъ звучащій.

Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто.

И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы.

Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ.

Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ.

Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится (Ст. 1—8).

Основной догматъ христіанства есть искупленіе падшаго человѣчества Сыномъ Божіимъ. Богъ такъ возлюбилъ міръ, что Сына Своего Единороднаго не пощадилъ для спасенія грѣшнаго человѣчества. Вотъ поворотный пунктъ въ исторіи. До пришествія Христова не всѣ люди были людьми: люди раздѣлялись на господъ и вообще свободныхъ и рабовъ. Послѣдніе не считались людьми, не имѣли никакихъ человѣческихъ правъ. Ихъ можно было безнаказанно убивать, какъ животныхъ, бросать живыхъ лю-

дей на кормъ рыбамъ, травить для потѣхи толпы, тысячи людей дикими звѣрями въ циркахъ и т. п. Но Христосъ, пришедши на землю въ образѣ раба и претерпѣвъ рабскую, считавшуюся наиболѣе позорною, смерть на крестѣ. искупилъ людей Своею кровію и научилъ ихъ, что *всѣ* люди *братья* и что *за каждаго* изъ людей Онъ страдалъ. Вотъ начало истинной цивилизаціи. Вотъ откуда получило свое начало признаніе *личности* [1]), свобода и права человѣка и всѣ тѣ гуманитарныя идеи, которыми такъ гордится современная цивилизація Вотъ съ какого времени человѣкъ, всякій человѣкъ, сталъ считаться именно человѣкомъ, а не вещью, не животнымъ, съ которымъ и поступать можно какъ съ животнымъ.

Тотъ, кто съ вѣчною любовію
Воздавалъ за зло добромъ—
Избіенъ, покрытый кровію,
Вѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ—
Всѣхъ, съ собой страданьемъ сближенныхъ,
Угнетенныхъ и униженныхъ,
Осѣнилъ своимъ крестомъ.
Вы, чьи лучшія стремленія
Даромъ гибнутъ подъ ярмомъ,
Вѣрьте, други, въ избавленіе—
Къ Божью свѣту мы грядемъ.
Вы, кручиною согбенные,
Вы, цѣпями удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете съ Христомъ!

---

[1]) Одинъ изъ величайшихъ и краснорѣчивѣйшихъ отцовъ Церкви ея золотого вѣка св Іоаннъ Златоустъ въ одномъ изъ вдохновеннѣйшихъ своихъ словъ говоритъ, что для христіанства такъ же дорого спасеніе каждаго отдѣльнаго члена церкви, какъ и всей церкви, такъ какъ и за него приходилъ на землю Христосъ, и за него страдалъ и умеръ. Въ христіанствѣ царь и воинъ, рабъ и господинъ, богатый и убогій - всѣ предстоятъ въ равномъ достоинствѣ.

Наученные Христомъ Апостолы, а затѣмъ ихъ ученики и преемники, не замкнулись въ себѣ, но понесли проповѣдь христіанской любви языческому міру. Но не скоро могъ понять и усвоить этотъ міръ новую проповѣдь: слишкомъ ужъ чуждо ей было все его міросозерцаніе. Труднымъ и медленнымъ путемъ шла христіанская цивилизація: слишкомъ упорно было противодѣйствіе среды, слишкомъ испорчена была человѣческая природа. Когда говорятъ, что современное человѣчество, при всей своей испорченности, все-таки безконечно нравственнѣе дикарей, у которыхъ, какъ, напр., у франковъ временъ Хлодвига всякое преступленіе было дозволеннымъ, ибо было обычнымъ дѣломъ, то совершенно забываютъ, что свѣтъ нравственности, свѣтъ цивилизаціи всѣмъ этимъ дикарямъ принесли христіанскіе миссіонеры, христіанское духовенство, при чемъ весьма многіе изъ проповѣдниковъ христіанства запечатлѣли свою проповѣдь мученическою смертью. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что вся наша цивилизація выросла на крови христіанскихъ мучениковъ. Это обыкновенно забываютъ тѣ, кто много кричитъ объ успѣхахъ цивилизаціи [1]). Забываютъ какъ много гуманитарная цивилизація обязана христіанству и какою жестокостью отличались древнія, дохристіанскія цивилизаціи. И мы такъ же, какъ и всѣ прочіе, преклоняемся предъ успѣхами цивилизаціи и свѣтомъ просвѣщенія, но утверждаемъ только, что вѣра и наука не должны враждовать между собою и что научная цивилизація не можетъ *замѣнить* собою религіи, такъ какъ одна безъ нея не можетъ ни удовлетворить запросовъ и стремленій человѣческаго духа, ни устроить человѣческую жизнь.—Но продолжимъ нашу рѣчь. Мы сказали, что труднымъ и медленнымъ путемъ шла христіанская цивилизація. Дѣйствительно, не разъ ей приходилось сдѣлавъ шагъ впередъ, дѣлать шагъ

---

[1]) Цивилизація для нихъ фетишъ, но недоступна имъ ея идея, говоритъ поэтъ.

назадъ; ей приходилось и самой быть орудіемъ человѣческихъ страстей и заблужденій. Это именно и случилось въ эпоху католической инквизиціи, которою совершенно напрасно попрекаютъ христіанство, такъ какъ въ инквизиціи не было ничего христіанскаго, какъ это прекрасно раскрыто у Достоевскаго въ его поэмѣ «Великій Инквизиторъ». Мы могли бы прибавить кстати, что если были мученики религіи, то были и есть мученики науки, и что фанатизмъ и склонность къ гоненіямъ вовсе не чужды и наукѣ, чему свидѣтелями многіе факты.—Но мученики христіанства не страшились этого, а продолжали свое дѣло и шли все дальше и дальше, потому что любовь побуждала ихъ не медлить съ проповѣдью спасенія. И подъ вліяніемъ этой проповѣди міръ мало-по-малу перерождался. И это сдѣлала творческая сила христіанской любви. И во всѣ послѣдующія времена и въ наши дни находились и находятся люди, выросшіе нерѣдко во всѣхъ удобствахъ современной цивилизаціи, которые оставляютъ все и идутъ проповѣдывать слово Божіе въ отдаленнѣйшія страны, къ дикимъ племенамъ, гдѣ терпятъ невѣроятныя лишенія, а иногда даже и мученическую смерть.—Что поддерживаетъ дружественное общеніе между людьми—залогъ истиннаго прогресса, что помогаетъ безропотно и благодушно переносить бѣдствія и несчастія жизни, что утѣшаетъ несчастныхъ и обездоленныхъ?—Вѣра и христіанская любовь. Въ настоящее время, вмѣстѣ съ осужденіемъ дурныхъ сторонъ цивилизаціи, все чаще и чаще слышится напоминаніе о любви. «Въ нашъ вѣкъ господства теоріи экономическаго матеріализма, сказалъ недавно одинъ изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, слишкомъ мало удѣляется мѣста для любви. Между тѣмъ все великое въ мірѣ совершается любовью, ибо въ мірѣ нѣтъ большей силы, чѣмъ она. Это пѣснь старая, но не все то худо, что старо, и не все хорошо, что ново»... Любовь вообще и христіанская въ особенности — вотъ цементъ общественной жизни, вотъ основа всякаго общества — и малаго и большого. Еще

древніе (Саллюстій) говорили: «concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilabuntur»[1]). Оттого и одолѣли насъ разныя соціальныя бѣдствія, что оскудѣли въ людяхъ вѣра и любовь. Когда люди стали гасить въ своей душѣ эти свѣточи, распространился нравственный мракъ, и наступило царство нечестія, гордыни, эгоизма и себялюбія. Возрожденіе въ насъ вѣры и любви—вотъ панацея отъ всѣхъ соціальныхъ болѣзней, и вотъ о чемъ намъ нужно заботиться прежде всего и больше всего—остальное приложится. Нужно покаяться и сотворить плоды, достойные покаянія, дабы приблизилось къ намъ царствіе Божіе,—и тогда наступитъ царствіе Божіе, ибо оно внутри насъ есть; а всѣ соціальныя системы Фурье и прочихъ, о которыхъ мечтаетъ г. Золя, всегда будутъ лишь уничтожать другъ друга и никогда не сдѣлаютъ человѣка ни добрѣе, ни счастливѣе. Тогда—и только тогда—и наука, и трудъ, и справедливость получатъ вполнѣ свое значеніе и будутъ въ дѣйствительности содѣйствовать счастію и благу человѣчества.

VIII.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ характерахъ «Парижа», которые являются носителями положительныхъ началъ г. Золя. Каково достоинство этихъ характеровъ, какъ относятся поступки ихъ обладателей къ общечеловѣческой нравственности, и насколько оправдываютъ они надежды и теоріи автора?

Главное дѣйствующее лицо «Парижа» аббатъ Пьеръ Фроманъ, человѣкъ выдающихся нравственныхъ качествъ.

---

[1]) Что согласіе, стремленіе къ единенію, а не борьба за существованіе есть на самомъ дѣлѣ основа жизни — растительной, животной и общественной — см. объ этомъ замѣчательную рѣчь (на актѣ Харьковскаго Университета, 1892 г) проф. И. П. Скворцова: „Въ чемъ сила жизни и всей природы“, а также рѣчь проф. А. А. Бронзова на актѣ Спб. Духовной Академіи 1898 г.: „Христіанская любовь какъ единственно-истинный принципъ человѣческихъ взаимоотношеній“.

Онъ совершенно чуждъ эгоизма, отдаетъ всего себя на служеніе страждущимъ и бѣдствующимъ и свято соблюдаетъ принятыя имъ на себя обязательства. Онъ колеблется жениться на Маріи, хотя любитъ ее, какъ и она его,—колеблется, несмотря на полное согласіе Гильома, такъ какъ знаетъ, какъ все же тяжело будетъ это для послѣдняго. Чтобы удержать брата отъ безумнаго дѣла, онъ готовъ пожертвовать даже своею жизнью. И однако самъ авторъ, съ непонятнымъ самопротиворѣчіемъ, спѣшитъ обезцѣнить поступки своего героя Оказывается, къ изумленію читателя, что вся нравственная чуткость Пьера, вся его любовь и состраданіе къ несчастнымъ, его безумная скорбь о больномъ человѣчествѣ, его страстныя мечтанія о всеобщемъ благѣ—словомъ, все, что есть въ немъ привлекательнаго,—все это единственно слѣдствіе неудовлетворенности личныхъ желаній Пьера. Когда Пьеръ женится на Маріи и обрѣтаетъ свое личное счастіе, мгновенно и безвозвратно исчезаютъ и его состраданіе къ несчастнымъ, какъ будто несчастія эти уже совсѣмъ перестали существовать, и недовольство современнымъ порядкомъ вещей и вообще все, что его мучило раньше; соціалистическія теоріи, прежде казавшіяся ему такими запутанными и противорѣчивыми, теперь становятся для него ясными и разумными; является ликующая увѣренность, что все въ мірѣ идетъ къ лучшему: словомъ, свое личное счастье онъ переноситъ почему-то на весь міръ. Не правда ли, какъ это легко и удобно? Плохо однако пришлось бы тому, кто возложилъ бы всѣ свои упованія на подобныхъ людей. Плохихъ слугъ имѣютъ идеи г. Золя, и трудно надѣяться, чтобы эти идеи при такихъ обстоятельствахъ переродили міръ.

Есть однако у Пьера поступки, которые остаются хорошими, независимо отъ его настроенія. Но только къ этимъ поступкамъ побуждаетъ Пьера *любовь* — та самая любовь, которой у Золя нѣтъ мѣста въ его будущемъ мірѣ. Что заставляетъ Пьера отказываться отъ любимой

дѣвушки въ пользу брата? Что побуждаетъ его жертвовать своею жизнью для спасенія брата отъ гибели и отъ ужаснаго злодѣянія? Любовь и только она одна — любовь и къ брату, и къ людямъ вообще. Любовь и состраданіе къ ближнимъ побуждали его и къ благотворительности.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ другимъ героемъ романа—Гильомомъ. Этотъ серьезный человѣкъ, подъ вліяніемъ сердечной неудачи (которую ему слѣдовало бы перепести благодушно: вѣдь онъ уже старикъ), вдругъ превращается въ дикаго звѣря и задумываетъ такое преступленіе, которое въ пору только самымъ отчаяннымъ анархистамъ. Если таковы будутъ герои будущаго міра Золя, то можно поручиться, что въ этомъ мірѣ не будетъ не только царства истины, справедливости и свободы, но никогда не будетъ даже и простого порядка.

Сыновья Гильома — хорошіе молодые люди, но совершенно безцвѣтные, тогда какъ ихъ, какъ носителей будущей цивилизаціи, автору слѣдовало бы надѣлить какими-нибудь опредѣленными качествами.—Безцвѣтной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и несимпатичной, кажется и Марія. Какая разница между нею и Маріей де-Герсэнъ, героиней «Лурда»—разница не въ пользу первой!

Но самый не удавшійся автору типъ—это безъ сомнѣнія бабушка. Несмотря на всѣ похвалы, расточаемыя ей авторомъ, который почему-то хочетъ возвеличить ее больше всѣхъ въ романѣ, типъ этотъ способенъ возмутить и здравый разумъ, и всякое человѣческое чувство. Пусть читатели судятъ сами. Когда Гильомъ рѣшается на свое страшное дѣло, онъ все открываетъ бабушкѣ. Та, правда, отговариваетъ его, но лишь потому, что «нельзя бѣжать отъ жизни» и что нужно подумать «*о себѣ*, о дѣтяхъ, о домѣ»; самый же «планъ его не удивляетъ и не возмущаетъ ея; она смотритъ на него, какъ на громъ небесный, какъ на огонь съ небеси, чистый и высокій въ своемъ могуществѣ». Она даже всячески поддерживаетъ Гильома и помогаетъ ему устраивать малѣйшія подробности. И это

женщина, это *мать*! Ей, значитъ, не представлялась картина тысячъ обугливщихся, растерзанныхъ и изувѣченныхъ труповъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, между которыми много дѣтей, тысячи осиротѣлыхъ малютокъ... Гильомъ, какъ самъ онъ потомъ сознается, задумываетъ свое страшное дѣло въ припадкѣ временнаго умопомѣшательства, но вѣдь она-то все время въ полномъ разсудкѣ [1])! И если таковы должны быть женщины будущей цивилизаціи г. Золя, то отъ этой цивилизаціи нужно отмахиваться, какъ отъ ужаснаго кошмара, какъ отъ величайшаго зла.

Есть однако въ романѣ типъ на самомъ дѣлѣ положительный... Это—*аббатъ* Розъ, знакомый читателямъ «Рима», человѣкъ полный христіанской любви и милосердія, всю свою жизнь и всего себя безъ остатка посвятившій на служеніе своимъ ближнимъ. Онъ не ропщетъ, не приходитъ въ отчаяніе, но выбивается изъ силъ, чтобы принести сколько можно болѣе пользы несчастнымъ и облегчить сколько можно болѣе страданій. За свою неумѣренную доброту онъ подвергается даже взысканію со стороны своего начальства, но это не можетъ остановить его. Когда онъ умираетъ, къ нему приставляютъ сестру милосердія, чтобы онъ не отдалъ своей постели и не умеръ на соломѣ. Передъ смертью его страшно тяготитъ забота о его бѣдныхъ, которые, послѣ его смерти, должны остаться безъ поддержки, и въ особенности трое изъ нихъ: старикъ, разбитая параличемъ старушка и молодая женщина, умиравшая отъ чахотки, съ ребенкомъ. Онъ успокаивается только тогда, когда Пьеръ, по его просьбѣ, соглашается принять на себя заботу объ этихъ несчастныхъ.

---

[1]) Русскому читателю невольно припоминается типъ другой бабушки—Татьяны Марковны Бережковой—въ романѣ Гончарова „Обрывъ“. Несмотря на то, что это женщина со многими недостатками,—насколько она выше и жизненнѣе этой антипатичной деревянной фигуры! А это потому, что „бабушка“ Гончарова—существо живое, *вѣрующее*, чувствующее и *любящее*.

Вотъ герои романа Золя, вотъ и плоды его идей. Странные однако это герои, странно и отношеніе къ нимъ автора. Носители его идеаловъ являются у него несимпатичными, а симпатичнымъ оказывается лишь представитель такихъ началъ, которымъ нѣтъ мѣста у нашего автора. Равнымъ образомъ, и все содержаніе романовъ до такой степени противорѣчитъ ихъ выводамъ, что послѣдніе кажутся висящими на воздухѣ. Золя опровергаетъ свои собственныя положенія фактами, которые онъ приводитъ для ихъ подтвержденія. Не говоритъ ли его невольное самообличеніе о томъ, что онъ взялся доказывать то, чего доказать нельзя? Спасали человѣчество и могутъ спасти его только вѣра и любовь, т.-е. именно тѣ начала, которыя такъ тщательно вычеркиваетъ г. Золя: они дадутъ смыслъ и жизнь и всѣмъ остальнымъ. Безъ вѣры же и любви эти послѣднія мертвы. *Ищите прежде царства Божія и правды Его*, сказалъ Спаситель, *и это все приложится вамъ* (Матѳ. VI, 33).